

ВАЛЕРИЙ БОЛЬШАКОВ

САГА О
РЕКОНЕ

Историческая фантастика. Эпоха Империй

Валерий Большаков

Сага о реконе

«Махров»

2016

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6

Большаков В. П.

Сага о реконе / В. П. Большаков — «Махров»,
2016 — (Историческая фантастика. Эпоха Империй)

ISBN 978-5-17-096888-6

Трое парней из нашего времени с помощью загадочной организации «регуляторов времени» попадают в мир викингов, где им приходится выживать и развиваться. Однако их пути вскоре расходятся, потому что цели у всех разные, а суровый мир средневековья ошибок не прощает.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6

ISBN 978-5-17-096888-6

© Большаков В. П., 2016
© Махров, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	25
Глава 6	31
Глава 7	35
Глава 8	38
Глава 9	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Валерий Большаков

Сага о реконе

© Валерий Большаков, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Глава 1

Константин Плющ

Вершитель битвы¹

Форт № 7 Владивостокской морской крепости

...Сэр Ольгерд ударил мощным засечным справа, сверху наискосок, да на «длинную руку»², да всем весом.

Противник его, могучий Джарви, дрогнул, а Ольгерд махнул засечным слева, переступил и вышел на вертикаль. Латы жалобно звякнули под ударом клинка.

– Стоп! – крикнул судья. – Сэр Ольгерд фон Зеехафен, представляющий Восточную Комтуру Ордена Старого Форта, набрал десять очков за минуту тридцать! Сэру Джарви из историко-патриотического клуба «Витязь» присуждается поражение!

«Витязи» недовольно загудели, а леди Даана проворчала даже что-то вроде: «Судью на мыло!»

Зато комтурцы радостно орали, звонко шлепая друг друга по доспехам.

Зрители и болельщики, разряженные по моде Средних веков, оживленно переговаривались, обсуждали бойцов и оружие, делали ставки или просто глазели.

Костя Плющ ожидал своего часа в полном боевом.

День был теплый, и он быстро взопрел под стеганым поддоспешником.

Длинная кольчуга ощутимо давила на плечи, да и прочие латы давали о себе знать. Шлем Константин держал под мышкой.

Второй раз он выступал на турнире, защищая честь своего клуба, и готовил себя к победе, памятуя о прошлогоднем проигрыше. Впрочем, Костя нервничал не особо, ему больше портила настроение мысль о том, что ристания их – это игра, забавы молодецкие.

Стародавние рыцари воистину были теми, кого представляли герольды, – воинами, с раннего детства привыкшими носить меч и облачаться в латы, не знавшими и не желавшими себе иной будущности, нежели одержание ратных побед.

Рекон³ – иные.

Это просто хорошие парни – программисты, студенты, молодые спецы, которых занимает история. Влечет их житие далеких предков, весь тот мир, давным-давно растаявший в прошлом. Одни испытывают себя, другим просто хочется оттянуться, сыграть в войнушку.

– Твой выход, Костян, – сказал Альбус.

Ребята из клуба обступили Плюща, беребя и мутузя.

– Давай, Мелиот, – пробасил Тристан, – всыпь этим комтурцам!

– Попробую, – улыбнулся Костя.

– Никаких проб! – пропыхтел Джарви, стаскивая шлем и утирая потное лицо. – Расплющи их! Разделай, как креветок!

– Под пивко! – захохотал Альбус.

Плющ-Мелиот старательно улыбался.

Сердце его колотилось, гоняя по жилам адреналин, но страха не было.

---

¹ *Вершитель битвы* – иносказательное название воина в поэзии скальдов, такой поэтический прием называется кеннинг.

² То есть на всю длину руки.

³ *Рекон* – это реконструктор, человек, занимающийся исторической реконструкцией.

Костя чувствовал перед боем нечто вроде томительного азарта. Жребий выпал таков, что ему придется сойтись с сэром Вильгельмом де Барнстокром, рыцарем-фортовцем, опытным бойцом, гораздым на выдумку.

Такого трудно просчитать, хотя... Не в этом же дело. Эта дуэль...

Плющу трудно было объяснить то, что он испытывал, что переполняло его трепещущее естество. Пусть для иных-прочих случится номинация «щит-меч»⁴, ему же предстояло сразиться в настоящем поединке – такое у него было чувство.

Сощурясь, Константин огляделся.

Владивостокская морская крепость лучше всего подходила для турнира, других замков в Приморье не водилось. Могучие укрепления строились еще во времена империи для обороны города и порта от козней самураев и прочих богдыханов. Однако ни одного сражения форты крепости так и не приняли – именно потому и не приняли, что она *была*, самим фактом своего существования удерживая врагов от вылазок.

Каждый год, в последнее воскресенье сентября, молчаливые парни с позвякивавшими мешками сходили с троллейбуса на остановке «Академическая» и топали сюда, на площадку форта № 7, где разыгрывался «Кубок Легиона».

На выходные съезжались не только свои – из Уссурийска да со всего Владивостока, но и хабаровчане могли пожаловать, благовещенцы даже.

Форт № 7 был самым маленьким среди прочих, составлявших Морскую крепость. Его заложили сто лет назад на горе Торопова. Тут был мощный рavelин, защищавший двойной кофр – разновидность каземата; были оружейные дворики, разделенные насыпями-траверсами и огражденные со стороны моря бетонным бруствером с нишами для хранения снарядов.

Подбрустверная галерея расходилась тремя потернами, одна из них выводила к туннельной казарме глубокого залегания.

Там царил тьма, было прохладно, а гулкая тишина отзывалась долгим-предолгим эхом.

Плющ вздохнул.

Место для турнира нашлось просто замечательное, так не в этом же дело.

Когда он бился с другими реконструкторами один на один или сражался в бугуртах⁵, то острее всего ощущал свою несостоятельность.

Статус у Мелиота был ничего так, на высоте. Он умел одерживать победы, но ведь над своими же, над реконами. А вот вышел бы Мелиот сразиться с подлинным витязем – настоящим средневековым рыцарем или викингом?

Для них-то война была жизнью – бились тогда всерьез, не по-детски, набираясь опыта в сражениях, где не было судей и правил, зато кровь лилась ручьями.

В ту пору на турнирах сходились опытные вояки, точно знавшие, где у меча острое и как этим мечом наделать в вороге дырок побольше.

Правильно, а ему-то где навык приобрести? Только на «фестах»⁶. Весной в Хабаровске случается «Меч Востока», летом реконы выезжают в Иркутск на «Меч Сибири», а осенью добро пожаловать на «Кубок Легиона». Мало...

Эх, в попаданцы бы!

– Давай, – прогудел Альбус.

Мелиот кивнул и вышел на ристалище – это был квадрат восемь на восемь, обнесенный дощатой загородкой. Секундант проверил Костины шлем, меч, щит и кивнул.

Пора!

---

⁴ Номинация (категория) «щит-меч» – одна из категорий в турнирах по историческому фехтованию, поединок один на один, когда каждый из состязающихся вооружён мечом и щитом.

⁵ Бугурт – рыцарский турнир, массовое сражение двух групп рыцарей.

⁶ Фестиваль, турнир, на который съезжаются реконструкторы из разных клубов.

Плющ напялил свой топхельм⁷, надел тяжелые перчатки, подхватил миндалевидный щит – целую неделю провозился с ним, пока обил воценой кожей, пока пирамидку умбона⁸ присобачил.

– Боец готов? – обратился к Константину судья.

– Готов.

Секундант повернулся к набычившемуся фортовцу, придерживавшему у ног прямоугольный щит.

– Боец готов?

– Готов! – глухо ответил сэр Вильгельм де Барнстокр.

– Боец меня слышит?

– Слышу!

– Бой!

Вильгельм, держа меч на отлете, сразу двинулся на Плюща.

Костя не стал терять драгоценные секунды – бросился в атаку. Отножным с правого боку, «длинной рукой», он махнул снизу, подшагивая левой ногой, но комтурец шустрый пошел – не пожалев лезвия, блокировал удар.

И тут же рубанул Мелиота по голени!

Костя ударил отножным слева, «короткой рукой», провернул оружие над головой. Горизонталь слева с выходом левой ноги вперед.

«Срен... срен... срен-де-ве-ковыва рыцаря» ему бы не удалось просчитать, тот атаковал бы на автомате, не задумываясь о финтах и сбивах.

Меч лязгнул, скрежетнул, отводя удар. Плющ стал смещаться, увлекая фортовца в кружение. В щелки шлема видать было плоховато, да еще капля пота набухала на брови. Стекала щекочущей стружкой...

Ну, это ничего, пот – не кровь. Жить будет.

Костя быстренько рубанул вправо, уводя меч по дуге. Вильгельм провел поземный удар, словно скашивая Мелиота, но тот резко подпрыгнул, зацепив своим щитом фортовский. Резко отведя вражеский щит, Костя добился, чего хотел, – на мгновение открылось плечо противника.

Мощный вертикальный, сверху в плечо! Два очка!

Зрители оценили красивую комбинацию – завопили, засвистели, захлопали. Девчонки переспрашивали парней, в чем прикол, и те важничали, объясняя подругам изыски фехтования.

Вильгельм, видать, разозлился, толкнул плоскостью щита, а Мелиот нанес фортовцу скользящий удар по бедру. Сместился, добавил отножным справа. Проворот. Вертикаль. Правую ногу назад. Удар!

Шлем у де Барнстокра загудел, как пустое ведро.

Костя увел меч по дуге, поднимая левую руку для накладки щита. И по корпусу вражине!

– Стоп! Мелиот, представляющий клуб «Витязь», набрал десять очков за минуту двадцать! Сэру Вильгельму де Барнстокру от Восточной Комтурии Ордена Старого Форта присуждается поражение!

Даана радостно завопила, запрыгала, витязи весело жамкали Плюща, мешая тому стащить шлем.

– Звери! – возопил он, отпыхиваясь. – Дохнуть дайте!

Его с хохотом дубасили по широкой спине.

---

⁷ Топхельм («горшкообразный шлем», от нем. *topfhelm* – «горшковый шлем») – шлем, закрывавший всю голову целиком.

⁸ Умбон – металлическое навершие на щите, защищающее руку.

Стащив, наконец, топхельм и кое-как пригарбав пальцами мокрые волосы, Костя покинул ристалище. Ему навстречу из толпы молодежи, представлявшей модные тренды сезона тысячетней давности, выбрался высокий мужчина лет тридцати пяти.

С заметной плешкой, которую старательно зачесывал, с узким и длинным лицом, он выглядел как положительный герой боевика, крушащий на досуге челюсти ворогам.

Это был Семен Щепотнев: в прошлом – оперуполномоченный уголовного розыска, а ныне – корреспондент газеты «Новый край» из Уссурийска.

Ещё он отзывался на имя Шимон⁹ – так Щепотнева именовал его тренер по фехтованию, настоящий самурай, из тех японцев-военнопленных, что задержались в советском Приморье, да так и остались здесь жить.

С Семой Костя сошелся на почве языкознания. Рыцарство – это так, преходящее увлечение. Викинги Плющу были куда как интересней.

С ребятами из клуба они частенько устраивали «хольмганги»¹⁰, а чтобы все было по правде, стали учить старонорвежский, на котором и болтали могучие норманны.

Конечно, зубрили не всерьез – так, на уровне военного разговорника.

А вот Костя подсел на язык викингов по-настоящему.

В прошлом году, тоже на Кубке Легиона, он и выступил как викинг. В шлеме с выкружками для глаз, в кольчуге, с круглым щитом, расписанным рунами, – все как полагается.

Тогда он с трудом, но одержал-таки победу – и Щепотнев поздравил его на старонорвежском. Это было здорово! И вообще.

С Семой интересно, ему было что порассказать, и это касалось не только будней убойного отдела. Напротив, как раз эту тему Щепотнев старался не раскрывать, он сторонился воспоминаний. Видать, болезненно воспринимал свой вынужденный уход из органов.

Зато Семен был хорошо известен в определенных кругах как заядлый экстремал. Каждый свой отпуск Щепотнев проводил по-разному, хотя стремился к одному и тому же – поиску приключений. И весьма в этом преуспевал.

Семен был дайвером, впритирку плавая с такими акулищами, что страшно было даже смотреть на них по видеку. Он пропадал в тайге, отыскивая золотую бохайку¹¹, или затерянную плантацию Дерсу Узала, или метеориты.

Искал скиты староверов в отрогах Станового хребта или отправлялся на Курилы ловить морского ежа.

В общем, и адреналину в кровь подпустит, и денег подзаработает.

Плюща всегда интриговало, чего ради Шимон держит под спудом свой главный талант – незаурядное умение фехтовальщика. Когда он прямо спросил об этом Семена, тот лишь плечами пожал. «Спортивное фехтование, – сказал Щепотнев со скользкой улыбкой, – это профанация. Родись я на тысячу лет раньше, то нашел бы применение и себе, и своему мечу. Нынче клинок – это всего лишь музейный экспонат, предмет коллекции».

Тогда Костя стгоряча позвал его в клуб, а Семен только головою покачал.

«Меч с собой?» – спросил он.

Плющ гордо вытащил клинок из спортивной сумки – часа не прошло с тренировки по истфеху¹². Шимон, одетый в кимоно и затянутый кушаком-оби, легко поднялся с дивана.

---

⁹ «Ш» и «с» – это так называемые «спорные» согласные. Если в южной Японии произносят «Фунакоси», «хаси», «сётокан», то на севере «шикают» – «Фунакоши», «хаши», «шотокан».

¹⁰ Хольмганг (букв.: поход на остров) – один из типов поединков у викингов.

¹¹ Существует легенда, что влюблённый литейщик из бохаев (Бохайское государство занимало половину современного Приморья, часть нынешней Кореи и Манчжурии в VII–X веках) отлил из золота бюст своей возлюбленной. Хотя золото должно было пойти в качестве дани кочевникам-киданям, он поступил по-своему, за что и поплатился. И его, и других мастеров, и всех жителей затерянного в тайге селения вырезали, однако золотую бохайку так и не нашли. Говорят, литейщик припрятал бюст в одной из пещер Сихоте-Алиня, но там их слишком много...

¹² Историческому фехтованию.

«Боец готов?» – осведомился Щепотнев, бережно вынимая роскошную катану¹³ из черных лакированных ножен. Поплыл нежный аромат.

– Номинация «меч-меч»! – ухмыльнулся он, возвращая меч в ножны и засовывая их за obi, как и полагалось самураю.

Костя вооружился своим полуторником и азартно скомандовал: «Бой!»

Но боя не получилось. Глаза Костины не ухватили даже промелька катаны.

Нежный шелест клинка, рассекавшего воздух, донесся с запозданием, а лезвие – вот оно, подрагивает у кончика его носа! «Это называется иайдо¹⁴, – спокойно произнес Семен. – Я распорол тебе горло».

«Убит!» – выдохнул Плющ...

– Костян, поздравляю! – расплылся Щепотнев в ухмылке.

– Спасибо! – пропыхтел Плющ. – Будь другом, помоги снять.

– Конечно, – ответил Сема в своей манере. Получалось у него примерно так: «Ка-эш-но».

Разоблачившись, стянув подкольчужник, Костя ощутил радость освобождения.

И как это они бились в своих Средних веках, с утра до вечера? А в крестовом походе? Каково это – отвоёвывать Гроб Господень у сарацин, когда плюс сорок в тени, а на доспехах хоть омлеты жарь? У-ужас...

– Есть разговор, Костян, – сказал Шимон, продолжая улыбаться, но теперь его глаза смотрели внимательно и цепко.

Плющ кивнул.

– Пошли тогда в туннель, – предложил он, – а то здесь дует. Подхвачу ещё ОРЗ.

– Пошли.

Под сводами туннеля, проложенного в недрах форта, было прохладно, зато не сквозило. Больше всего Константину хотелось сейчас под душ, но таких удобств в крепости не держали.

Закурив сигарету и пустив дымок, Семен сощурился.

– Как-то раз, помню, я к тебе заглядывал, – начал он, – видел у тебя книжку одну, про попаданцев. Почитываешь такие?

– Почитываю, – буркнул Плющ, подумав, что он со Щепотневым схож, раз уж об одном и том же подумали, чуть ли не в унисон.

Шимон кивнул, покрутил перед глазами сигарку и точным, снайперским, щелчком отправил окурки в ящик, изображавший урну.

– А если я тебе скажу, – медленно проговорил он, – что неподалеку есть... ну, скажем, межвременной портал, и можно реально угодить в прошлое?

Константин вытаращился на Щепотнева, но тот оставался серьезен.

– Короче. Слышал про такое место – Интермондиум?

Плющ растерянно пожал плечом.

– Междумирье?.. Вроде, Сократ о нем толковал... ПМЖ для богов.

– Отнюдь не богов. Обычные люди там проживают, такие, как мы с тобой. Интермондиум еще Терминалом называют.

– Каким еще терминалом? – совсем запутался Плющ.

Семен хихикнул.

– Единственным. Терминалом с большой буквы. Короче. Из Интермондиума открываются порталы в разные века. Хочешь – в эпоху викингов, хочешь – к рыцарям в гости. Или в античность какую. Это что-то вроде перекрестка времен, коллектора или транспортного узла – как хочешь, так и называй. Об Интермондиуме знали еще кроманьонцы; там настоящая кре-

---

¹³ Самурайский меч. Смазывался маслом камелии и гвоздики.

¹⁴ Искусство быстрого выхватывания меча из ножен и нанесения удара.

пость выстроена, замок или цитадель – не знаю уж, что вернее. Там все отметились помаленьку – египтяне, эллины, китайцы, римляне, а эти товарищи строить умели! Живут там сплошные попаданцы. Так сказать, ветераны – те, кто нагулялся по прошлому с мечом наголо, навоевался и остепениться решил. А что? Девчонок там хватает, всяко-разных: хоть эллинских гетер, хоть полудиких пленниц из Скифии, хоть беглянок из Мемфиса, прислуживавших фараону. Тутанхамону или кому там еще. Короче, есть с кем замутить. Но порядки там строгие, не забалуешь – Хранители не позволяют. Это они пропускают в Интермондиум новичков-рекрутов и открывают им порталы в минувшие столетия. Их там чтут, Хранителей...

Плющ чувствовал себя очень странно.

Семен нес полную ахинею, больше всего похожую на пролог фантастического романа; но вот, поди ж ты – он верил ему. Не только потому, что Щепотнев никогда не врал (а так оно и было), но и по иной причине – Косте очень, до боли, хотелось, чтобы сказанное оказалось правдой. Ведь тогда его мечта может осуществиться.

– Откуда ты все это знаешь? – выдавил он.

– Учитель рассказал. Думаешь, зря он, что ли, в СССР остался? Знаешь, для чего? Чтобы попасть в свою родимую Японию, только лет на четыреста раньше, и послужить тогдашнему сёгуну! Учителю тоже рассказали про Интермондиум. А просто так об этом не болтают. Эту тайну раскрывают лишь тем, на ком остановили свой выбор Хранители, кого они решили пригласить в свое Междумирье и пропустить в прошлое. Зачем? А вот это секрет. Учитель полагает, что Хранители следят за неразрывностью времен, за правильным ходом истории, и если, скажем, какая-то историческая личность зажила на белом свете, хотя ей полагается почтить, они и посылают новичка. Тот и знать ничего не знает, но своим вмешательством исправляет анахронизм. К примеру, убивает ту самую личность на дуэли. Конечно, все гораздо сложнее, но суть ты понял.

Костя замедленно кивнул.

– Значит, – сказал он деревянным голосом, – ты приглашен в Интермондиум?

Щепотнев кивнул, доставая вторую сигарету.

– Ты тоже, – сказал он просто и закурил.

Плющ ощутил сразу и страх, и радость, и недоверие, и еще кучу всяческих эмоций. Кажется, все гормоны, какие есть в организме, взбурлили кровь, и сердце зачастило.

– Это... правда? – выдохнул он.

Щепотнев выпустил струю дыма.

– Костян, я тебе врал когда-нибудь?

Плющ замотал головой, а Шимон сунул руку в карман и достал оттуда три небольших квадратных кусочка пергамента, на которых изящной вязью были выведены имена: Семен Щепотнев, Константин Плющ и Валерий Бородин.

– А это кто?

Щепотнев хохотнул.

– Не веришь! Это работяга, что мне в квартире пластик ставит. Он наш третий. Без него нас не пропустят в Интермондиум – Хранителям нужны все трое. Учитель рассказывал, что иногда Хранители набирали целую пятерку, а иногда и одиночкой обходились.

– Понятно...

– Только учти, – поднял палец Шимон, – билет в прошлое стоит тысячу баксов на одного.

Подозрения в голове Кости резко ожили, но он тут же пристыдил себя: с каких это пор Семен думает о наживе?

– Дешев только китайский ширпотреб, – небрежно отмахнулся Плющ. – Есть у меня секретный фонд... Гулять так гулять!

Честно говоря, расставаться с деньгами ему было не просто – жаба давила.

С другой стороны... Жить ему есть где. Конечно, на стипендию студента политена особо не разгонишься, но в компьютерах он шарит не только ради диплома. А опытному программисту найти подработку во Владике¹⁵ не сложно.

Он, в принципе, потому и копил деньжата, что не знал, куда их девать. Потребности у него скромные – новые книги да вкусняшка к чаю, время от времени.

Машину покупать? Да ну её...

А вот потратиться на приключение, на исполнение желания – это дело.

Костя до сих пор не мог себе простить того случая, когда прочитал в объявлении на столбе, что собирается, дескать, экспедиция в Шамбалу и приглашаются желающие. Тогда он просто не поверил, убедив себя, что это дурацкий розыгрыш.

А если нет?

А если он упустил тот самый шанс, который мог превратить его жизнь в волшебную сказку?

Щепотнев улыбнулся понимающе, выпуская дым и щуря глаза.

– А со временем у тебя как? – поинтересовался он. – Наша экспедиция к предкам займет не меньше двух недель.

– Как раз! У нас занятия с пятнадцатого.

– А я тогда отгулы возьму... Короче, подваливай ко мне послезавтра. М-м... Нет, давай лучше сразу в субботу! О'кей?

– О'кей!

---

¹⁵ Владик, или просто Город, – разговорное название Владивостока.

Глава 2

Семен Щепотнев

Аллигатор клавиатуры

Уссурийск, редакция газеты «Новый край»

Семёну Семёновичу не повезло с характером.

Служа опером убойного отдела, он зря свой хлеб не ел – гонялся за уголовным элементом, ловил его и сажал. Нет, если честно, Шимона прельщало не торжество закона, его увлекала «самая увлекательная из охот – охота на человека». Хотя какая разница? «Вор должен сидеть в тюрьме!»

Вот всякая криминальная шелупонь и отправлялась за решетку – небом любоваться, в крупную клетку.

Беда заключалась в том, что Семен не лебезил перед вышестоящими и не терпел брехни. Вот поэтому-то, когда милицию превратили в полицию, капитан Щепотнев не прошел аттестацию – начальство оставило при себе самых прогибистых.

Само собой, жополизы не умели бороться с криминалом, и раскрываемость преступлений упала ниже некуда; но кого это волновало?

Это в Америке, где шерифов с окружными прокурорами выбирают, компетентным органам приходится ломать голову, как ублажить пипл. А у наших головняк бывает совсем по иному поводу – как бы удовлетворить начальство.

Вот поэтому-то Михе Вальцеву, сыскарю от Бога, пришлось устраиваться секьюрити в супермаркет «Фреш25», а опера Щепотнева взяли в штат районной газеты. Судьба!

Ясным утром в пятницу Семен опоздал на работу.

Минуток на пять всего; но Тамара Николаевна, исполняющая обязанности ответсека¹⁶, свято чтит Трудовой кодекс, а посему встретила злостного нарушителя дисциплины поджатыми губками.

– Я исправлюсь! – пообещал ей Щепотнев мимоходом и юркнул в отдел криминальной хроники.

Плюхнувшись на кресло за своим столом, он первым делом включил комп. Тот злобно загудел, как трактор у вечно пьяного механизатора.

Любания, сидевшая за столом напротив, уже вовсю долбила клавиатуру, выдавая строки на-гора. Ирка-корректор неторопливо красилась по соседству.

Пока комп загружался и давил вирусов, Семен крутнулся в кресле, обозревая свой «неживой уголок».

Лет пять назад он украсил простенок челюстями акулы – привет с Южно-Китайского моря. Тогда они втроём отправились на неприметный островок, у берегов которого затонул в войну японский эсминец.

Теплые воды просто кишели тигровыми акулами и мако¹⁷, но было ради чего рисковать: в каюте капитана эсминца, если верить пожелтевшим страницам судового журнала, пестревшего выцветшими иероглифами, находился ржавый ящик с рубинами из оккупированной Бирмы.

---

¹⁶ Ответственного секретаря – заведующего редакцией периодического издания, отвечающего за повседневную деятельность.

¹⁷ Рыба семейства сельдевых акул.

Ничего они тогда не нашли, даже пустого ящика, зато сувенирами разжились. И не только...

Семен почесал под коленкой, куда его цапнула акулка, слава Богу, мелкая.

Ниже расщеперенных челюстей тускло поблескивал опаленный камешек – память об экспедиции в тайгу, где рухнул Сихотэ-Алиньский метеорит.

Место было просто кошмарное – все усеяно, буквально усыпано клещами! Настоящие клещиные кучи.

Целые завалы переносчиков энцефалита и прочих гадостей жизни. Куснет такой, и думай – то ли помрешь, то ли дурачком станешь. Каждую минуту приходилось снимать с себя по десятку кровососов, никакие спреи не помогали.

Вдвоем с напарником они копали шурфы на склоне сопки, и удача-таки улыбнулась им – три рюкзака набили осколками небесного тела; а метеоритное вещество шло по два с лишним доллара за грамм.

Правда, быстренько нашлись охотники на охотников за метеоритами, но ничего, отбились...

Щепотнев шевельнул плечом, задетым пулей, – ноет теперь в дождливую погоду.

А вот замысловатый горшочек. Настоящий Бохай, VIII век. Искали потерянную плантацию Дерсу Узала, где этот «последний из удэге» рассадил женьшень, а наткнулись на бохайское городище. Перелопатили культурный слой, нарыли всякой всячины, а чуть углубился в лес дед-корневщик, до ветру сходяв, так сразу и орать: «Панцуй! Панцуй!»¹⁸

«Какой панцуй?» – кричим.

«Панцуй-липие! – вопит. – Много-много!»

Целый мешок тогда накопили. Как картошки с дачи...

– Пошли покурим? – предложила Ирина, облизывая губы и рассматривая сей процесс в зеркальце.

– Ты что? – оторопел Семен. – Как можно? В рабочее время?

Ирка засмеялась и крикнула:

– Ромашка! На перекур!

– Иду! – откликнулся Ромка, выбираясь из своего закутка.

Мелкий, щуплый, он походил на отрока. Взяли его на работу временно, пока худред¹⁹ не выйдет из декрета. За лето Ромка пообвыкся, пообтерся, почти расставшись с робостью. Наглеть даже стал.

Газету, правда, верстал неплохо. Без нареканий.

– Семен Семеныч, – сказал верстальщик, накидывая куртку. – Гороскоп!

– Как ты мне надоел, – вздохнул Щепотнев.

Ромка, хихикнув, скрылся за дверью, а Семен взялся за астропрогноз.

Эту дурацкую астрологию он презирал, но читатели жаждали узнать, что им там звезды рекомендуют. Спрашиваете – отвечаем.

– Овны вы все, – проворчал Щепотнев. – Козероги...

Скачав с «Рамблера» готовый гороскоп на неделю, он его малость обработал – удалил лишнее, подправил. Готово. Кушайте, не обляпайтесь.

– Это нехорошо – астрологов править, – пригвоздила его Люба. – Получается, что мы людей обманываем.

---

¹⁸ *Панцуй* – название женьшеня на одном из китайских диалектов. Согласно поверью, корневщик (ва-панцуй), обнаруживший женьшень, должен крикнуть: «Панцуй!» Иначе растение спрячется и не дастся в руки. Женьшень встречается разный, чаще всего попадаетесь молодой шима-панцуй, однолистное растение или панцуй-танзана с тремя листиками (20-летний корень). Шестилистный панцуй-липие чрезвычайно редок, ибо возраст его корня превышает 100 лет.

¹⁹ Художественный редактор.

– Любочка! – сказал Семен проникновенно. – Если бы астрологи говорили людям правду, то все гороскопы были бы одинаковые! А они разные, потому что каждый астролог врет по своему.

Любаша фыркнула негодуя.

Откинулась в кресле, поставив последнюю точку, вздохнула и пошла к принтеру – забирать распечатку.

В это самое время в дверь заглянул сам главный редактор – кругленький, лысенький Натаныч (иногда – главред).

– Любанька, – сказал он, – ты по ГИБДД сделала?

– Да, Денис Натанович. Отдать вам?

– Не надо. Покажешь Ире, и пусть Тамара выставляет. Сколько строк?

– Четыреста тридцать. Там про новые штрафы, про детей на дороге...

– Фотки есть?

– Две.

– Отлично, сделаем полосу!

Редактор хотел уже было ускользнуть, когда его окликнул Щепотнев.

– Денис Натанович! – воззвал он. – Мне срочно нужны восемь отгулов! Ну, можно десять, если с понедельника...

– Именно десять? – озаботился главред. – А зачем?

– По семейным обстоятельствам, – соврал Семен, не обращая внимания на укоризненное лицо Любаньки.

Натаныч решил изобразить строгость:

– А у вас все сдано?

– Очерк по «Кубку Легиона» я уже отнес Тамаре Николаевне, – отрапортовал Щепотнев, – два письма сейчас наберу.

– У нас в рубрику «Правопорядок» ничего нет.

– Будет!

– Тогда сдавайте. Заявление напишите, и пусть Тамара оформит вам десять дней в счет отпуска.

– Спасибо, Денис Натанович! – с чувством произнес Семен Семеныч.

– Не за что... – обронил редактор, исчезая в дверях.

Вечерком Шимон надумал проведать учителя. Тот жил на самой окраине, в своем доме, большом здании еще имперской постройки, из потемневшего кирпича.

Доехав до «Сахзавода», Щепотнев поплутал по переулкам частного сектора, не знавшим асфальта, пока не вышел к знакомой ограде.

Учитель был дома. Он грелся на осеннем солнышке, сидя на лавочке.

Потрепанные штаны, застиранная рубашка, тапки на ногах, очки на носу, палочка... Типичный пенсионер.

Звали пенсионера Дзюкити Като.

В далеком 45-м барон Като, молодой капитан Армии Великой Японской империи, попал в плен. Отсидев в лагере, повкалывая на стройках социализма, Дзюкити так и остался в СССР. А что ему было делать на земле Ямато, чьи войска оказались повержены, а дух нации сломлен?

Представляясь бедным крестьянином, невинной жертвой японских милитаристов, Като добился пролетарского снисхождения. Но остался в душе истинным самураем.

Он чудом сохранил свою офицерскую катану. Куда бы ни забрасывала его судьба – на колхозные поля, на прокладку дороги в тайге, на спасский цементный завод – меч всегда был с ним, как последняя и единственная связь с былым...

А потом барон пропал.

Одним соседям он говорил, что уезжает на заработки, другим – что жаждет провести родственников, а на самом-то деле Дзюкити Като справно бился в войске Токугавы Иэясу, провозглашенного сёгуном и правившего землями Ямато, невзирая на здравствующего императора, слабого и нищего.

Шимон усмехнулся. Каждый выбирает свою судьбу.

Когда «Д. Катов, ветеран труда» впервые встретил Семена Щепотнева, тому шел пятнадцатый год. Что уж старый самурай разглядел в мальчишке, неясно, но именно ему барон передал свой меч.

То была, конечно, не родовая катана, шедевр древних оружейников, а заводское изделие – такого добра в ту войну отковали изрядно, но все-таки...

Долгие годы Като учил его владеть клинком – и в школе, и после, во время учебы в вузе, и даже в бытность опером. Древнее искусство внезапно выхватить меч и нанести удар, зовомое иайдзюцу, всасывалось Семеном с жадностью сухого песка, впитывавшего воду.

После ДМБ старшего сержанта Щепотнева барон побывал у оружейников Интермондиума, и те отковали два каролингских меча²⁰.

Ученик с учителем азартно рубились на них, изобретая гибрид испанской и японской школ фехтования.

Были, конечно, досадные перерывы – то к бабушке отправят на все каникулы, то в армию заберут. Но, как только Шимон возвращался, он тут же возобновлял свои штудии.

Да и «в рядах» время зря не тратилось: прапор Бехоев преподавал ему уроки боя на саблях, после чего рядовой Щепотнев чуть в спортроту не загремел.

...Завидев ученика, Дзюкити поднялся, опираясь на палку, и скрылся в доме. Шимон двинулся следом.

В комнатах было зябко, циновки, укрывавшие пол, глушили шаги.

Като, успевший уже переодеться в любимое свое черное кимоно, восседал на татами с достоинством и совершенным бесстрашием.

Семен вошел и поклонился. Дзюкити сделал приглашающий жест: садись, мол. Щепотнев опустился на колени, присел.

– Годы отняли у меня подвижность, – негромко сказал японец, – больше я не могу обращаться с оружием, как то подобает воину. Но все, что знал и умел, я передал тебе, Шимон.

Семен почтительно склонил голову. Он никогда не задавался вопросом, зачем ему владеть мечом, – это было естественнейшей потребностью.

Как питье, как дыхание, как секс.

Щепотнев отрешался от земного, когда брал в руки катану или прямой рыцарский клинок. Меч успокаивал, утешал, снимал усталость, внушал драгоценное чувство общности с ушедшими бойцами, канувшими во тьму веков.

– Раз ты пришел сюда, – проговорил барон, – следовательно, ты последуешь зову Хранителей.

– Да, учитель.

– В тебе признали достойного, – сказал Като с гордостью. – И это лучшая награда для меня за все мои труды и старания. Тебе суждено стать либо великим человеком, либо великим негодяем, хотя грань, разделяющая эти понятия, неразличимо тонка. Ты бесстрашен и безжалостен – этого достаточно. А теперь слушай и запоминай путь...

---

²⁰ *Каролингский меч* – прямой, с заостренным концом клинок, длиной 90 – 100 см, с короткой гардой и одноручной рукоятью, с дольчатой или треугольной навершием. В IX–X веках служил оружием викингам, а в дальнейшем эволюционировал в рыцарский меч.

Глава 3

Валерий Бородин

«Третьим будешь?»

Уссурийск, ул. Агеева, дом у «Семи ветров»

Слава богу, утром в субботу Валерию Бородину дали немного выспаться – аж до девяти. Дочку Вера забрала с собой в зал, где та пицчала и агукала, не мешая отцу семейства поваляться в постели лишних два часа.

«И совсем не лишним!» – лениво подумал Валера, переворачиваясь на другой бок. Но сладко вздремнуть не получилось – новый день уже разбередил мозг, беспокоя назойливыми мыслями.

Игорь Харлов дозвонился до него вчера вечером и понес какую-то пургу: я, дескать, должен был окно ставить на Агеева, в субботу, но тут кто-то обратился к руководству, чтобы оно передало заказ Валерию Юрьевичу Бородину. Прикинь?

Надо полагать, этот кто-то был достаточно убедителен. По крайней мере, хозяин фирмы сам перезвонил Валере – займись, мол, Игорехиным заказом, не обидим. «Ладно», – ответил сбитый с толку Бородин.

– Встава-ай... поднима-айся, рабочий народ... – врасстяжечку пропел-прозевал Валера.

В спальню тут же заглянула Вера и спросила оживленно:

– Яичницу будешь?

– Будешь! – твердо ответил Бородин и поплелся в ванную.

К дому на Агеева он подрулил, как и было договорено – «до обеда в субботу, часиков в одиннадцать».

Дом был новый, элитный, а вот окна встроены обычные. И пришлось жильцам самим заказывать пластиковые.

«Светлый дом – уютно в нем!» – уверял рекламный слоган.

После дембеля оказалось, что проще всего было на службе – и кров, и корм от государства родимого. Жить можно.

А вот на гражданке надо было все добывать самому. Только вот много ли заработаешь, когда у тебя изо всех корочек – лишь аттестат о среднем, очень среднем образовании?

Поступать в вуз Валерия не тянуло – особых способностей он за собой не чуял, да и сколько денег надо потратить, чтобы получить это самое высшее образование.

Он уже было подумывал идти в контрактники, а тут его Вера и объявила: «Я беременна!»

Сказать, что эта новость ошеломила Бородина, значит, ничего не сказать.

Поборов первичный испуг, Валера мужественно принял неизбежное.

К известию о ребенке он, честно говоря, отнесся кисло, но Верочку убедил-таки, что рад и все такое. Пусть не расстраивается, молодым мамам это вредно.

Разумеется, через месяц они расписались, и началась та самая семейная жизнь, к которой Валерий никогда особо не стремился. С другой стороны, он не кривил душой, когда уверял подружку, ставшую невестой, что любит ее и хочет жить с нею. Это было чистой, беспримесной правдой.

А уж каково это – жить молодой семье, Бородин узнал очень скоро.

Чего ему стоило снять квартиру и привезти туда из роддома слабенькую Веру с пищащим кульком – это не для открытого доступа.

Он хватался за любую работу, пока не устроился в строительную фирму, обеспечивавшую уссурийцев пластиковыми оконными системами. Окна ставить Валера научился быстро, и процесс вел с тщанием, все, как полагается.

В фирме его ценили, с заказами не обижали. Вон, даже по выходным работает. А что делать, если у тебя дома жена и дочка трех месяцев от роду?

Заглушив мотор дряхленького «Тойо-Эйс», Бородин снял с «елки» оконную раму и занес ее в подъезд. «Мы несем уют и тепло в ваш дом!»

Слава Богу, хоть лифт работает...

Перетаскав окошки, баллончики с пеной, стройматериал, инструменты, Валера занес все барахло в кабину лифта и нажал кнопку с цифрой «8».

За дверями квартиры, где он неделю назад снимал размеры, было тихо.

«Ставьте двери „Гардиан“ – почувствуйте тишину!»

На звонок никто долго не отвечал. Валерий уже прокручивал в уме разные словесные конструкции, не имевшие отношения к нормативной лексике, как вдруг дверь мягко отворилась и на площадку выглянул мужчина в самом расцвете сил – сухопарый, подтянутый, с броской внешностью кинозвезды.

– А, окна приехали! – весело воскликнул он. – Заходи! Заноси! Помочь, может?

– Да не-е... – смутился Бородин. – Я сам.

– Ну, действуй. Не разувайся, у меня тут везде бардак! Успеешь до пяти? А то мы потом отъедем...

– Успею.

Валера подхватил раму и бочком отволок ее на кухню. Возвращаясь, он столкнулся в прихожей с гостем хозяина – молодым человеком его возраста и комплекции, с длинными волосами, стянутыми в пучок на затылке, с розовым шрамом на щеке.

Бородин таких недолюбливал – продвинутых, модных, не оказывающих уважения сапогам. А потому в День десантника с удовольствием их гонял.

Правда, у Валеры самые волосы были не стрижены, отросли по моде 70-х, но ему-то можно. Двойные стандарты.

– Привет! – сказал длинноволосый.

– Здоров, – буркнул Валера, подхватывая инструмент, но визави этим не ограничился, решив «сходить в народ».

– Демобилизовался? – спросил он, кивая на Валерин камуфляж.

– Да не-е... – ответил «народ» без охоты. – Это у меня, типа, спецовка. Я еще в позапозатом году дембельнулся.

– А где служил?

– ВДВ, – коротко обронил Бородин.

Ему не понравились высокомерные нотки в голосе длинноволосого. Видать, самого-то не призывали – студент. Или папочка отмазал.

Тут из гостиной вышел хозяин и хлопнул «студента» по плечу.

– Знакомься, – сказал он Валере, – сэр Мелиот! Он же – Костя Плющ, студент политеха, успевающий, беспартийный, не привлекался, дружит с мечом и щитом.

– Валерий, – вежливо сказал Бородин, пожимая руку «сэру Мелиоту». – Фехтуешь, что ли?

– Есть немного, – улыбнулся Плющ.

Улыбка у длинноволосого была хорошая, как у Гагарина, и Валера сам не заметил, как у него вырвалось:

– А меня дед учил на саблях, он из казаков. И прадед тоже.

– А прадед за кого был, – переиначил хозяин квартиры фразочку из «Чапаева», – за большевиков али за коммунистов?

– За белых, – коротко ответил Бородин, ожидая ухмылочек, но не дождался.

– Понятненько, – кивнул Костя и спросил деловито: – Калмыковец²¹?

– Семеновец. Есаул. Его Аннинским оружием наградили, саблей такой, с темляком и «клюквой»²². Дед Антон ею вооружался, а мне простую шашку давал. Сам ковал – он у меня кузнец. Интересно было, конечно, – пацан же! А потом я с дедом поругался. Чё вы, говорю, срамитесь, цирк с саблями устраиваете? Казаки – это ж воины были! Да если бы их большевики не истребили как сословие, они бы сейчас в камуфляж паковались, с автоматом наперевес, а не с шашкой наголо!

– А мы не играемся, – сказал Плющ с вызовом, видимо приняв укор деду на свой счет. – У нас историческая реконструкция.

– Да мне по херу... – вежливо отозвался Бородин, хватаясь за окошко. Намять бы тебе по организму, подумал он, да нельзя.

– А мне нет! – стал заводиться «сэр Мелиот».

– Ладно, ладно! – оборвал его хозяин. – Не мешай человеку. Ему работать надо.

И увел гостя.

Прихватив окошко, Валера направился в кухню, ругая себя за болтливость. «Ничего личного, только бизнес!» – вот наш девиз.

А физию заносчивому реконструктору он еще выпрямит...

Сняв старые створки, Бородин распилил раму и живо выломал ее, освобождая оконный проем. Запенил, где надо, подложил куски пенопласта. Вроде ровно. Проверил. Нормуль!

Вынося на площадку обломки старого окна, Валерий случайно услышал разговор, доносившийся из гостиной:

– Представляешь, не хватило мне моего «секретного фонда»! Взял вчера кредит на тридцать тысяч... Еле дали! Говорят, студиозусам не положено.

– Тогда вечером и двинем.

– А куда?

– За экстримом! Хо-хо! Учитель указал «верный путь»...

Перетаскав мешки с мусором, Валера взялся за монтаж.

Экстрим у них, хмыкнул он, закрепляя раму. Пришли бы лучше к нему домой, узнали бы, почем фунт адrenalина! Да какое – домой...

Он двушку снимает в районе Девяностика²³, на первом этаже. Планировка охренительная – спальня шириной с коридор, да зал, совмещенный с кухней!

Под полом крысы шебуршатся, да так громко, что спать невозможно, а летом комарье донимает. И за все это счастье «неописываемое» – десятку в месяц! Ползарплаты отдавай всяким жлобам.

В поисках веника Бородин покрутился по прихожке, заглянул в санузел. Тут сквознячком приоткрыло дверь в гостиную, и долетели голоса:

– Ты что, Семен? Он же... гегемон в сапогах, простейший работяга!

– Да и мы не сложнее. Он третий, Костя.

Это его, что ли, в пролетарии записали? Бородин поморщился. Прослойка херова!

Нет, точно, надо будет встретить этого пупсика и провести с ним воспитательную беседу.

---

²¹ И. Калмыков, генерал-майор Белой армии, атаман Уссурийского казачьего войска в пору Гражданской войны. Г. Семёнов, генерал-лейтенант Белой армии, походный атаман Забайкальского, Амурского и Уссурийского войск.

²² *Темляк* – ремень, который надевается на кисть, чтобы не терять оружие. «*Клюква*» – разговорное название знака ордена Св. Анны низшей степени, который размещался на холодном оружии. Появился этот знак, когда сын императрицы Екатерины Великой Павел, будучи наследником престола, создал уменьшенные знаки ордена Св. Анны для награждения своих соратников втайне от матери. Кавалер этого миниатюрного (2,5 см) знака всегда мог прикрыть его, положив руку на эфес шпаги или сабли.

²³ Разговорное название 90-го квартала в Уссурийске.

Вставив окно, «простейший» взялся за подоконник.

Тут дверь открылась, пропуская на кухню хозяина. По квитанции он – Щепотнев. Звать, вроде, Семеном Семеновичем. Или Сан Санычем.

– Привет, – сказал Семен Семенович или Сан Саныч.

– Да вроде здоровались уже...

– Сень, ты где? – донеслось откуда-то из дальней комнаты.

– Здесь я! – крикнул Щепотнев и спросил, постучав по окну: – Не китайские?

– Да вы чё?! – оскорбился Бородин. – Немецкие, «Рехау». А подоконник «Монблан».

Пластик качественный – можно даже окурки об него тушить. Вреда не будет.

– Это хорошо... – рассеянно протянул хозяин. – Слушай, а ты воевал?

Валера напрягся.

– Воевал, – признался он, чувствуя дискомфорт и порчу настроения.

– Чечня?

– Ну.

– А я в Афгане служил. Ничего, что я на «ты»?

– Да не-е...

– Слушай, тут такое дело. Мы с Костей собрались в одно... э-э... путешествие. Подробности чуть позже. Короче, это такое развлекалово для экстремалов, владеющих мечом. Как ты насчет того, чтобы с нами?

– Третьим? – ляпнул Бородин и прикусил язык.

Но Щепотнев ничего *такого* не заметил.

– Надо обязательно втроем, – подтвердил он. – Ты подходишь по всем параметрам. Десантура, казачество... И вообще.

Появился Костя. По его лицу было видно, что он против.

– Сва эр ну комит мину мали!²⁴ – резко сказал он на языке викингов.

Шимон остановил его движением руки и произнес куда мягче:

– Виль эк бьеда тер фост бредралаг.²⁵

– Ну не знаю... – затруднился Валера.

Плющ вытаращился на него.

– Ты что?! Понял?

– Йаа, – ответил Бородин и усмехнулся, переводя взгляд на Щепотнева: – А надолго это ваше... развлекалово?

– Неделя или две, от силы, – быстро сказал Семен Семенович. – И тысяча долларов за вход.

– Сколько?! – вытупил глаза Бородин. – Ну не-ет! Я в такие игры не играю!

В полной тишине он облицевал оконную нишу, наклеил уголки – и полюбовался делом своих рук.

Все гладенько, ровненько, как на картинке.

Обернувшись, Валерий увидал Семена с Константином – те, оказывается, и не уходили вовсе.

– Да ты пойми, – вздохнул он, обращаясь к одному Щепотневу, – женат я. Ребенок маленький, опять же. И чё я, такие деньжищи от семьи отниму? Да и нечего мне особо отнимать. Кредит, что ли, брать? Так это вообще кабала...

– Но ты можешь прилично заработать! – сказал Щепотнев проникновенным голосом.

Валера настороженно засопел.

– И сколько?

---

²⁴ Теперь моя очередь говорить.

²⁵ Я хочу предложить тебе стать побратимами.

– Мне говорили так: «Сколько сможешь унести!» Хоть миллион долларов. Там... э-э... бонусы.

– Точно? – подозрительно спросил Бородин.

Хозяин энергично закивал. Плющ переменил позу, упорно глядя в сторону.

– Давай так, – деловито сказал Семен Семенович. – Ты что-то там говорил про саблю прадедушки.

– Ну.

– Типа, золотое оружие.

– Не типа, а золотое. «За храбрость». Аннинское.

– Сабля у тебя?

– Ну.

– Тогда оставишь ее мне в залог. Я в железяках кой-чего смыслю, понял? В общем, я за тебя заплачу, ты подзаработаешь и вернешь должок!

Валера засопел.

Крутизны ему давно хотелось, не терпелось просто – жизнь на гражданке была скучной и пресной, но... А вдруг этот Щепотнев просто хочет саблю прадедушкину выманить и кинет потом?

Наверное, его мысли явственно отразились на лице, потому что Семен Семенович криво усмехнулся.

– Я человек оч-чень нехороший, Валера, – сказал он, – но слово держу.

– Да не-е... я ничего такого... – промямлил Бородин.

Тут он глянул на воспрявшего Костю, начинавшего сиять улыбкой первого космонавта, и разозлился.

– Ладно, – рубанул он. – Согласен! Я только домой смотаюсь за саблей и Верке денег с карточки сниму. Скажу, что командировка!

Плющ увял.

Глава 4

Валерий Бородин

Портал

Вечерней электричкой они добрались до Владивостока и сошли на «Второй Речке». Еще полчаса пилили на автобусе, и столько же шли пешком, добираясь до полузабытого форта Морской крепости.

Попасть внутрь можно было лишь с крутого склона, и вот оно – сырое и неудобное нутро каземата.

Валера осматривался с любопытством и принимался с подозрением – уж больно аммиаком несло. Какое-то креативное быдло размалевало суровую бетонную стену нелепыми граффити, смысл которых сводился к тому, что «Rap жжот». Живописец хренов...

Люди строили, службу несли, а он все дерьмо из своей дурной головы – на стенку.

– Валера, мы на месте, – неожиданно серьезно и даже торжественно сказал Щепотнев. – Я обещал подробности, так слушай.

И Семен Семенович понес какую-то фигню про Интермондиум, про Хранителей, про попаданцев...

– Вы это серьезно? – перебил его Бородин.

– Абсолютно! Вот, это твой пропуск.

Валера повертел в пальцах шершавый листочек со своим именем и фамилией и стал накаляться. Они что, за лоха его держат?

– А бонусы? – выдавил он.

– Валера, там – Средние века, а мы – воины. Что с бою взято, то свято! Да не смотри ты на меня так! Я, думаешь, сам до конца во все это поверил? Но попробовать-то можно? А вдруг получится?

Бородин посмотрел на Щепотнева исподлобья и буркнул:

– Ладно. Пробуем.

– Тогда держи!

Шимон ловко выудил из рюкзака пару ножей в чехлах.

Один он протянул Бородину, другой Плющу.

– Пока так, – сказал Щепотнев. – Со своим оружием в Интермондиум соваться не стоит, все равно отберут, но и безоружными быть нам не пристало. Верно?

– Ну, да... – вяло согласился Костя, взвешивая клиночек в руке.

– А ничего так ножичек, – оценил Валера.

– Будем резать, будем бить... – усмехнулся Семен, поправляя собственные ножны. – Валер, а ты убивал?

Бородин неприязненно посмотрел на Щепотнева, ощущая знакомый холодок в груди. Но не посылать же человека, раз уж тот тебя «облагодетельствовал».

– На войне не убивают людей, – сухо ответил Валерий, – там уничтожают вооруженную силу противника. Боевики по нам палили, мы открывали ответный огонь. Откуда я знаю, попал или нет? Только перед самым дембелем мне повезло – напоролся на бандоса в заброшенном ауле. Выскакивает, гад, с калашом наперевес – и на меня! Я смотрю на него, а палец будто сам на спуск давит. Помню до сих пор, как родного, – и бородавку на горбатом носу, и крошки в бороде, и засаленную чалму, или чё у него там на голове намотано было...

– Тошнило? – с интересом спросил Горбунков.

– Еще как... – вздохнул Валерка. – Всего выполоскало.

– И со мной та же фигня, – кивнул Семен. – Только всей разницы, что в Чечне контр-террористическая операция шла, а я в Афгане интернациональный долг исполнял. Это как в игре: подберите синонимы к слову «война»... А что было делать? Не убьешь духа²⁶ первым, сам станешь грузом 200. Или, не дай Бог, в плен угодишь. Духи такое с нашими творили... Даже пацифисты зверели.

– Варвары, они и в Афгане варвары, – солидно кивнул Бородин. – Мы раз одного поймали – рабовладельца. Наших ребят скупал у бандосов и на цепь сажал, чтобы они ему кирпичи лепили да обжигали – вели производственный процесс. Короче, судили его по закону гор...

– Суровые будни защитников Родины, – усмехнулся Плющ, как почудилось Валере, – глумливо.

Бородин точно подбросило. Он резко шагнул к Косте, сцапал его за куртяк и рывком воздвиг.

– Служил?! – гаркнул Валерий и встряхнул Мелиота. – Служил, чмо? Призвать бы тебя в ряды, с-студент! Хапнул бы экстрима – до усрачки!

А реконструктор поднапрягся и провел «ливерпульский поцелуй» – ударил десантника головой в лицо, чудом не сломав тому нос, – Бородин отстранился в последнее мгновение.

Но удар был хорош – Валера растянулся на холодном цементном полу. Моментально вскочив разгибом вперед, припомнил армейские экзерсисы – врезал Косте кулаком, тут же добавив локтем. Плющ отлетел и повалился.

– Брейк! – спокойно сказал Щепотнев, разводя противников.

Рекон, правда, рванулся, отбрасывая руку Семена, – и мигом заработал укол пальцем, твердым, как отвертка. Задохнувшись, Костя согнулся в три погибели.

– Кончай! – жестко сказал Семен.

Валерий нарываться не стал.

– Порезвились в песочнице, – хладнокровно проговорил Щепотнев, – выяснили, у кого куличики красивше, и будя. Нам еще хоть недельку простоять надо, семь ночей продержаться.

Бородин не стал спорить, успокаивался он быстро. Поглядывая на Плюща, зверски выпячивавшего челюсть, где наливался кровоподтек, Валера ощутил себя удовлетворенным.

– За мной, – сказал Шимон, подхватывая рюкзачок. – Портал там, дальше. Фонари захватили?

– Захватили, – буркнул Валерий.

– Тогда шагом марш!

Туннель уводил их все дальше и дальше, глубже и глубже.

– Здесь! – сказал Щепотнев, наводя луч фонаря на неглубокую полукруглую нишу в стене. – Ежели Хранители нас не кинули, то скоро мы увидим другие страны! Валер, бывал за границей?

– Я только в Суньку²⁷ ездил раза два, – буркнул Бородин, – помогайкой.

– Костян! – окликнул Семен нахохлившегося рекона. – Катался за бугор?

– Я там родился, – подал голос Плющ.

– На Украине? – хмыкнул Щепотнев.

– В Германии, – без охоты сказал «сэр Мелиот». – В Дрездене. Была такая раньше страна – ГДР, а в ней наша ЗГВ²⁸. Мой отец служил офицером-танкистом. Вот, я там... и появился

---

²⁶ *Дух* – прозвище, данное советскими солдатами душманам. Нынче душманов полагается политкорректно величать моджахедами.

²⁷ *Сунька* – просторечное название г. Суйфунхэ, КНР, куда приморцы ездят за ширпотребом. Поскольку на вывоз вещей существуют ограничения (не более 35 кг в одни руки), то предприимчивые челноки берут с собой помощников – помогаек.

²⁸ *ГДР* – Германская Демократическая Республика, иначе – Восточная Германия. *ЗГВ* – Западная группа войск; советские формирования, расквартированные в ГДР и других странах Варшавского договора.

на свет. Хотя не помню ничего – маленький был. Так, негатив отрывками. Горбачев же тогда всю Восточную Европу сдал...

Костя смолк – обида жгла. Больно не было, зато унижения хапнул – от и до. Конечно, может, он и зря понасмешничал, но поделаться с собой ничего не мог – раздражал его Бородин.

Простотой своей, заикленностью на реальном, житейской состоятельностью. Рядом с этим дембелем, работягой, мужем и отцом Плющ поневоле ощущал собственную неполноценность.

Ну вот кто он такой? Рекон, студент, программмер. Игрун, короче.

Никакой ответственности ни за кого не несет, плывет себе по течению, с курса на курс переходит, и ни о чем голова не болит.

А Бородин даже в прошлое собрался за бонусами... Во-во. Это-то и самое обидное, что он кругом неправ. Стало быть, правильно ему по роже съездили?!

Ох, и паршиво...

– И что? – нетерпеливо сказал Бородин. – Так и будем стоять?

В это самое время серый бетон в нише поплыл – будто волнами пошел – и протаял, открывая проход в сумрачный зал с каменными стенами.

– Проходим! – гаркнул Щепотнев и первым шагнул в портал.

Валерка поспешил следом. Он все еще не верил происходящему, но...

Попытаться-то надо? А вдруг – бонусы?

Замешкавшись на самом пороге между мирами, Бородин пропустил вперед Константина и шагнул сам. Сделал он это на автомате – все, что происходило, было настолько невероятным, почти нереальным, что даже голова кружилась. Валера даже про бонусы забыл.

– Это башня, что ли? – сказал Шимон, запрокидывая голову, и его слова разнеслись гулким эхом. Или пещера?

Бородин оглянулся назад – за спиной была бронзовая, изрядно позеленевшая дверь, полуоткрытая в гулкую темноту. Потом он глянул наверх – стены едва заметно сходились, продолжаясь несколькими этажами кольцевых галерей, а еще выше кладку прорезали узкие стрельчатые окна.

Лучи света, будто призрачные лезвия, вонзались в воздух и словно растворялись в нем.

– Мир вам, добрые люди, – послышался спокойный голос.

Глава 5

Константин Плющ

Интермондиум

Костя обернулся, услышав приветствие, и увидел высокого сухопарого мужчину в годах. Длинноволосый и седой, с аккуратными усами и бородой, внимательными глазами, закутанный то ли в мантию, то ли в плащ черного цвета, он больше всего смахивал на Альбуса Дамблдора из «Гарри Поттера», или, если уж продолжать киноассоциации, на волшебника Гэндальфа из «Властелина колец».

– И вам мир, – живо откликнулся Семен. – Вы Хранитель?

Седой сдержанно поклонился.

– Можете называть меня Романусом, – сказал он, – это мое имя. И не стоит «выкать» – здесь не принято подобное обращение.

Романус пристально оглядел троицу.

– Хранители не боги, – мягко проговорил он, – хоть и «прописаны» в Междумирье. Нам, как всем смертным, свойственно ошибаться. Вполне может статься, что надежды, кои мы возлагали на вас, не оправдаются, но положение все равно улучшится. Хотя бы за счет перемен. Вы не поскупились на оплату билетов, – по губам Хранителя скользнула улыбка, – и это радует. Стало быть, намерения ваши серьезны. Кто-то из вас жаждет приключений, кто-то хочет добычи, кто-то желает испытать себя. Все это будет дано полною мерой, но лишь от вас самих зависит, какими вы вернетесь в свое пространство и время, и вернетесь ли вообще. Не буду спрашивать, согласны ли вы – вижу, что не против. Я прав?

– Да! – вырвалось у Бородина.

Щепотнев с Плющом молча кивнули.

– Таких, как вы, – продолжил Хранитель, – призывали во все века, и имя вам – Регуляторы. Миссия ваша столь же почетна, сколь и трудна...

– Что нам нужно будет делать? – прямо спросил Щепотнев.

– Жить, – улыбнулся Романус. – Жизнь – это цепь деяний, вот и действуйте, сообразуясь со своими желаниями и понятиями – чести, достоинства, справедливости. Мы откроем вам Северный путь.

– Норвегия? – встрепенулся Костя. – Викинги?

– Они, – кивнул Хранитель. – Время – приблизительно 870 год от Рождества Христова. Харальд Косматый набирает силу, хочет всех норегов сделать своими подданными, но конунгов и ярлов там тоже достаточно, и не все они жаждут посадить себе на шею Харальда Первого. Туда вы и отправитесь.

– Мы согласны! – быстро сказал Щепотнев.

Романус кивнул.

– Врата для вас откроются через два дня, когда солнце будет в зените, а пока отдыхайте. Готовьтесь к походу и к неожиданным встречам. Да, кстати... – он подозвал служку с бледным лицом, словно на всю жизнь перепуганного, и тот с поклоном протянул поднос с тремя кожаными кошельками, вернее, кошелечками – уж больно тощи были. – Здесь золотые и серебряные монеты, имеющие хождение в Интермондиуме, это и есть ваши... э-э... баксы. Мы не продаем билеты в прошлое, мы лишь выдаем пропуска достойным. А деньги – это вроде теста. Коли уж не пожалел человек всеобщего эквивалента, значит, желание в нем крепко. Держите, они вам понадобятся, – Романус раздал кошельки. – Пройдитесь по лавкам на Главной улице, купите оружие, доспехи и одежду. А послезавтра явитесь сюда ровно в двенадцать ноль-ноль. Люциус проводит вас.

Отвесив легкий поклон, Хранитель удалился, шелестя мантией.

– Пошли, что ли, – сказал бледнолицый Люциус. – В Башне нельзя долго оставаться.

– Пошли! Так это башня или пещера?

– Вот тут пещера, и ниже тоже, а сверху – башня. Тут кроманьонцы жили, они первыми стали по разным эпохам шастать. А потом... Не знаю, Хранители всего не говорят. То ли обрушилась часть гротов, то ли люди сами постарались, а только – видите? – и ступени вытесали, и порталы, а из обломков такую надстройку сделали. И получилась Башня!

– Порода странная. Зернистая, искрится вся...

– А это не порода, это кристаллы такие, особые. Многие думают, что они живые.

– Небелковая жизнь?

– Вроде того. Ведь как-то же открываются ходы в прошлое! Это всё они, полукристаллы-полукораллы.

– Может, они и вовсе чужие? В смысле, инопланетные?

– Да фиг их знает...

Стена Башни-Терминала была толстой, метров пять, а вход – он же выход – перекрывался двумя могучими створками.

Люциус распахнул одну из них, кивая молчаливым стражникам.

Снаружи был ясный день.

– Ух, ты! – восхитился Бородин.

Место, которое они только что покинули, являлось как бы донжоном – главной башней огромного замка. С возвышения, где крепко сидел донжон, были хорошо видны крепостные стены с непременными зубцами, башни, квадратные в плане или круглые, а внутри стен – дворцы, храмы, дома, извилистые улицы...

Но тесноты, обычной для средневекового замка, не наблюдалось – кое-где и подобия сквериков зеленели, а больше всего в глаза бросалось причудливое смешение культур: тут и китайская пагода присутствовала, и эллинский периптер, вроде Парфенона, а поперек всей цитадели тянулась монументальная аркада римского акведука, доносящего воду с далеких гор, размыто видневшихся на горизонте.

– Здорово! – впечатлился Плющ.

– Вы только... это... за ворота не ходите, – сказал Люциус. – Здесь вам Интермондиум, а не абы что! Думаете, зря водопровод зигзагом провели? Там такие области... этого... ну, как его... антивремени! Так-то. А вон, видите, на юге?

Костя пригляделся.

– Лес, вроде, – сказал он неуверенно, – а над ним птички...

– Птички! – фыркнул слуга. – Птеродактили это! Там – мезозой, верхний мел. Понятно? А во-он там, – он указал на восток, где стелились пески, испещренные озерцами, – и вовсе океан Япетус. Силурийский период. Ясно? Динозавры сюда не забредают, не бойтесь, хотя поохотиться на них можно. Ну, если совсем ума нет, конечно.

– Сафари потом, – нетерпеливо оборвал его Щепотнев. – Веди нас на Главную.

– Слушаюсь и повинуюсь, – смиренно ответил Люциус.

По широкой лестнице они спустились на полукруглую Центральную площадь, по дуге застроенную культовыми зданиями. Два массивных пилона словно сжимали вход в кумирню богини Маат. Рядом круглились стройные колонны святилища то ли Зевеса, то ли Юпитера, многоярусная пагода и двуглавый собор, смотревшийся как отражение древнеегипетского храма.

На Главной улице было довольно-таки людно.

Рабы и слуги узнавались по бедной одежде, заискивающим взглядам и суетливости. Их хозяева, напротив, выступали гордо, не спеша, будто являя себя. Одетые в хламиды или в более

привычные Косте штаны да рубахи, жители замка почти все были при оружии. Никаких огнестрелов, сплошь мечи да сабли.

Костя вертел головой так, что хвост у него хлестал в стороны, будто конь от мух отмахивался. Все тут было интересно, все просто изу-ми-тельно!

Вон местный джаз надрывается – сипло трубят, лупят по барабанам, тренькают на чем-то среднем между гитарой и бандурой. «Стоп! – кричит старший и тычет мосластым пальцем в трубача: – Нэкофон пушай на полтона съедет! Пониже чтоб! Начали! И-и...»

А какие женщины!

Блондинки, брюнетки, шатенки, высокие и миниатюрные, стройные, длинноногие, груди так и распирают платья или рубахи старинного покроя.

И у каждой второй на поясе либо меч в полметра, либо пара изящных стилетов – к нам не подходи!

Иные хохочут, веселятся, чисто выпускницы на последнем звонке, но по большей части амазонок напоминают, боевых подруг в полной готовности.

Плющ хмыкнул. Всякая особь мужеска полу мечтает выглядеть круто – это закон природы.

Коли уж родился ты мальчиком, то, будь добр, соответствуй хрестоматийному образу – будь здоровенным, мускулистым, драчливым, опасным. Чуть кто тронет тебя, сразу в морду наглецу. Или меч в грудь. Короткой очередью в упор. А как же иначе?

И неважно, что в современном мире не обязательно быть здоровяком с мышцами и вот таким кулаком.

Да, успеха можно добиться и очкастому задохлику, все физические нагрузки которого ограничиваются перемещениями мышки по коврику. И что с того?

Девчонки все равно будут заглядываться на качков-мачо, грубых, наглых, уверенных в себе на все сто. Девчонками правит биология.

Вот и Костя Плющ всегда хотел занять место в ряду широкоплечих мордоворотов – всех этих загорелых шерифов из вестернов, безжалостных суперагентов, пиратов и прочих редисок – нехороших людей.

Одной из причин того, что он попал в Интермондиум, как раз и было желание стать образчиком мужественности.

После двадцатого своего дня рождения Костя никому уже не позволял на себя наезжать, а если что, сразу давал сдачи. Однако всякий раз он напрягался, испытывал страх, а от выплеска адреналина пальцы вздрагивали.

Обрести бы истинное бесстрашие, когда перспектива отдубасить любого хама вызывает не учащение пульса с еканьем в потрохах, а злую радость и предвкушение! Удовольствие от осознания силы и власти.

Разве не этого он добивался на фестах?

Утомившись от наплыва новых впечатлений, Плющ покосился на Бородина.

ЧП в каземате – это как нарыв. Вышел гной, и полегчало. А нечего было язык распускать. Полезла десантура и получила отлуп. Боевая ничья.

Не скажешь, что победила дружба, а надо бы.

Иначе именно сэру Мелиоту грозит превращение в «докучное третье лицо» – третьего лишнего, если по-русски. Уж кто-кто, а чеченец с афганцем найдут точки соприкосновения. Армейская жилка, изволите ли видеть...

Плющ вздохнул, приложил усилие, чтоб подавить негатив, и тот уполз на задворки сознания.

Мимо с нагловатой улыбкой на устах продефилировал молодчик с двумя перевязями наперекрест – и слева, и справа по длинному мечу.

Молодчик возложил ладони на рукоятки клинков, да так, что ножны растопырились, задевая прохожих. Костя гибко извернулся, а Валера не выдержал.

– Эй, добрый молодец! – сказал он сердито. – Можно поаккуратнее?

Меченосец с изумлением воззрился на него. Нежно погладил пальцами рукояти, сжал их. Орудия убийства со змеиным шипением потянулись из ножен – и замерли.

– Рекруты... – снисходительно проговорил молодчик. – Ладно, прощаю...

И повололся дальше.

– Ты поосторожней, Валер, – сделал внушение Щепотнев. – Уж потерпи как-нибудь, пока сам не обзаведешься мечуганом. Хотя бы одним!

«...И не научишься им владеть», – договорил про себя Плющ.

– По ходу, круто тут у них, – высказался Валерка.

«Здесь вам не тут!» – припомнил Плющ.

– Народ, – осклабился Щепотнев, – а мне здесь нравится, ей-богу!

Люциус вывел рекрутов в переулок между римской инсулой и палатами в древнерусском стиле прямо к оружейной лавке.

Все стены за прилавком были увешаны оружием: копьями разных видов, от легких дро-тиков до здоровенных рожнов, а также мечами, секирами, ножами, топориками-чеканами, и щиты тут же висели, и кольчуги, и шлемы на любой вкус – простые круглые или с наносниками, с бармицами-тыльниками, с выкружками для глаз.

Костя только головой покачал. Сколько же человечество напридумывало орудий, чтобы дырки проделывать в ближнем!

Торговец тут же подкатился.

– Чем могу, молодые люди? – басисто проворковал он.

Открыв свой кошель, Плющ ухмыльнулся: мечта нумизмата!

Тусклым маслянистым блеском отсвечивало несколько золотых динаров и дублонов. В их влажном сверкании терялись серебряные дирхемы, похожие на чешуйки с арабской вязью, и увесистые песо, больше известные как пиастры.

– Мне б секирку, – деловито сказал Бородин.

Оружейник покивал – понимаю, мол, сей момент, и достал из-под прилавка ладный бое-вой топор с лезвием, широким, полумесяцем, но не массивным.

– Держи!

Валерий ухватился за прямое топорщице, покачал секиру в руке. А ничего так. Вес чув-ствуется, но руку не оттягивает, мах легкий. И топорщице возле обуха пластиной стальной защи-щено – не перерубишь. Доброе оружие.

– Сколько? – поинтересовался Бородин.

– Два золотых и полста сребреников.

Валера скривился, осматривая секиру словно впервые.

– За один золотой я бы еще взял... – протянул он.

– Два! Со скидкой для рекрутов.

– Бери, – сказал Костя. – У нас хватит.

Покосившись на «раздаваху», Бородин поморщился, но вытащил-таки два динара. Про-давец тут же обратил все свое внимание на Плюща.

– А тебе что глянулось?

Куда и как исчезли Валеркины деньги, Костя не заметил – только что были на прилавке, промельк – и нету их. Торгаш-профессионал.

– Костян, – сказал Шимон, – о мече и не думай, он тебе не по чину. Да и не по карману. Даже если втроем сложимся, на хороший меч бабосов не хватит.

Плющ вздохнул.

– Пожалуй... – подумав, он обратился к хозяину лавки: – Копьецо бы мне и доспех. Кожаный лучше, с бляхами.

– Вот подходящий, – засуетился торгаш. – Из турьей кожи, с бронзовыми накладками. И поддоспешник к нему, и шлем.

Костя поморщился, рассмотрев шлем – этакую кожаную тюбетейку с парой железных полос крест-накрест. Но Семен прав: для викингов он самое большее дренг, то бишь салага, а откуда у малька могут быть меч и латы?

Норманны даже обычную кольчугу по наследству передавали, поскольку та великой ценностью считалась. Так что походишь в коже, ничего с тобой не сделается. Тем более что меч у тебя, скорей всего, отберут деда...

А вот Бородин только рад был сэкономить.

С сожалением оторвав взгляд от мечей, самый дешевый из которых стоил больше пятидесяти динаров или дублонов, Плющ указал на копье.

– Хорошее копьецо, – уверил его оружейник. – Ясень для древка лучший наш древознавец искал, и железо доброе. Ежели вражину чиркнешь где надо, порежет, что твой нож.

Костя покрутил в руках копье, примерил баланс и кивнул:

– Беру.

– Золотой с тебя.

Плющ выложил монету, а Валера вздохнул, печалась о житейской несостоятельности товарища. Можно ж было хоть пятак выторговать! Деньги-то не лишние.

– Рекомендую, – сказал продавец, выставляя глиняный пузырёк с пробкой. – Действует не хуже зеленки или йода. А тут – болеутоляющее. За пять дирхемов отдам. Или вот – кремь с кресалом. Куда без него? Там, как и тут, электричества нет, а ежели костер не запалишь, то и не обсушишься, и не приготовишь чего поесть, воду, чтобы раны промыть, не нагреешь. Или, там, игла с ниткой, крючок рыболовный с леской пеньковой. Всё разом за двадцатку отдам.

– И куда мы все это положим? – с сомнением сказал Валера.

– А вот! – достал торговец кожаную сумку на длинном ремне. – Дарю!

Костя посмотрел на Бородина, и тот кивнул.

– А что делать? – вздохнул он. – Дезинфекция – вещь нужная.

– Еще какая! – горячо поддержал его лавочник.

– Мне тоже доспех кожаный, – сказал Валера солидно. – Да, и еще одежду подходящую! Штаны, рубаху, сапоги...

Люциус шепнул что-то торговцу, тот кивнул понятиливо и выложил на прилавок кипу тряпья, модного в эпоху викингов.

Расплатившись, рекруты покинули лавку, имея сущую мелочь в кошельках, зато руки их сжимали добротное оружие, да и всякие девайсы очень даже могут пригодиться.

Норэгр²⁹ – это вам не изнеженная Скандинавия в миру, тут черных или чернявых мигрантов живо в холопов-трэлей обратили бы и работку нашли бы по способностям – навоз выгребать или ямы копать.

И врача на дом не вызовешь, и полицейского не дозовешься. Все сам.

– Нормально! – заценил Щепотнев, оглядев обоих. – Ну что? Разбегаемся? Встретимся у Башни.

– А ты куда? – спросил Плющ.

– Гулять! – ответил Шимон и ухмыльнулся: – Я тут еще ни разу не был! Но сперва предлагаю закусить.

– Я за! – тут же откликнулся Бородин.

– Да и я не против, – пожал плечами Костя.

---

²⁹ Древняя Норвегия.

– Тогда пошли. Я по дороге сюда видел одну вывеску. Что-то типа таверны или салуна. Подкрепимся!

Заведение местного общепита было вполне себе колоритным – низкие своды, как в Грановитой палате, маленькие окошки, пол, засыпанный мелко резаной соломой, тяжелые монастырские столы.

Шиковать не стали, заказали мяса, хлеба и вина. Мясо было горячим и сочным, хлеб – свежим и душистым, вино в кувшине – холодным и в меру крепким.

– Спать хочется... – раззевался Бородин. – Сил нет.

– Так еще бы! – фыркнул Щепотнев. – Это здесь еще светло, а во Владивостоке одиннадцать скоро.

– А я до сих пор не верю, что все это по правде, – сказал Плющ. – Вот когда читаешь фантастику, все вроде правильно и понятно...

– ...А когда сам вляпаешься в этот «дас ист фантастиш», – подхватил Семен, – то как-то не по себе!

– Во-во...

– Пустяки, Костян, дело житейское! Привыкнем. Человек ко всему привыкает. Валер, пошли курнем?

– Па-а-ашли... – зевнул Бородин и вылез из-за стола.

Константин повернулся, провожая товарищей взглядом.

Куряки вышли на небольшую террасу, затеяв привычный ритуал прикуривания.

– Привет, рекрут, – раздался сочный баритон.

Костя воззрился на огромного человека в фиолетовой мантии, черноволосого, с демонически-резкими чертами холодного лица.

Тот расположился напротив, жестом подзывая к себе официанта.

– Как обычно, ваша милость? – прогнулся тот.

– Пожалуй.

Официант мигом приволок запотевший кувшинчик и закуску. Хотел было налить, но клиент жестом отослал его и сам плеснул в бокал густого красного... вина? Или компота?

– Люблю рекрутов, – сообщил человек. – Как зовут?

– Мелиот... То есть Константин.

– Другие?

– Валерий, Семен... Валера – работяга. Десантник. Сема – журналист. В оружии шарит. Он раньше опером был.

– Валере доверяй, – сказал «его милость», – он такой же, как ты. А с Семеном осторожно.

– Откуда вы это знаете? – нахмурился Костя.

– Просто знаю... Ступай, тебя зовут.

Семен с Валерой действительно махали Плющу с террасы, но откуда это мог знать странный человек в мантии?

Он-то сидел к ним спиной. И зеркал тут нет.

– До свиданья, – сказал Плющ, поднимаясь из-за стола и чувствуя себя неуклюжим.

– Прощай, Мелиот.

Глава 6

Семен Щепотнев

Тест на вшивость

Семен не стал заниматься шопингом.

Сунув серебряный дирхем Люциусу, он узнал от слуги много полезных вещей – и адресов. К примеру, у самой крепостной стены, между башней «Толстая Эльза» и какой-то базиликой, имелась кузня, где можно было подобрать себе сносный клинок.

С дозволения кузнеца, Щепотнев взялся за увесистый мизерикорд³⁰, трехгранное жало которого запросто пробьет кольчугу. А можно и рыцарю засадить, ежели в щелку между доспехов целиться.

Шимон приценился:

– И почему?

Кузнец, рыжебородый мужичина в возрасте, пыхнул трубкой.

– Золотой.

Щепотнев повертел мизерикорд в руках.

– А серебром возьмешь?

Мужичина вынул трубку изо рта и глянул на Семена с интересом.

– Слух прошел, к викингам в гости собрался, рекрут? – спросил он.

– Типа того.

– Не мое это дело, конечно, а только никакой хускарл³¹ тебя и близко не подпустит, чтоб ты ему в бочину свое «милосердие» воткнул. Вскроет он тебя, как банку тушенки, вякнуть не успеешь. Ежели хочешь лишний шанс заиметь, лучше... вот! – Кузнец сунул руку за колоду с наковальней и выложил скрипучий ком тронутых ржавчиной колечек.

– Кольчуга? – удивился Шимон.

– Она самая, – кивнул рыжий. – Бирни³², конечно, не хауберк какой, а все ж оборонит. Ну-ка, примерь.

Семен послушно протянул руки, пролезая в тяжеленькую броню. Оправил ее на себе, попрыгал на манер реконов, чтобы кольчуга расправилась и села как надо.

– О, как по тебе смастерили! Бери, так и быть.

– Не потяну, – вздохнул Щепотнев, – у меня всего...

– Да знаю я, сколько у регулятора в кошельке! За пять золотых отдам, цени мою доброту! И фуфайку добавлю за так.

– У меня всего четыре динара наберётся.

– М-да... Тогда не сторгуемся.

Щепотнев побрел дальше. А дальше были клинки.

Семен долго смотрел на самурайский меч в лакированных ножнах. К ножнам была приклеена бумажка с ценой: «500». Это не был новодел – лезвие выглядывало на длину ладони, а в оружии Шимон кой-чего понимал.

Нет, меч был выделан древним мастером, где-нибудь в пригороде Эдо³³.

---

³⁰ *Мизерикорд* (фр. *misericorde* – «милосердие, пощада») – кинжал с узким трёхгранным либо ромбовидным сечением клинка, которым добивали рыцарей, попадая между лат, или использовали для убийства в поединке.

³¹ *Хускарл* (старонорвежск.: *huskarl*) – воин из дружины (хирда) конунга (выборного короля). В отличие от обычного хирдмана (гридня в Древней Руси), хускарлы стояли ступенькой выше, составляя личную гвардию конунга.

³² *Бирни* – кольчужная рубашка с короткими рукавами, укрывавшая тело до пояса. Хауберк – длинная кольчуга до колен, с длинными рукавами.

³³ *Эдо* – старое название Токио, использовалось примерно с XVII по середину XIX века.

Тысячи раз проковывалась раскаленная сталь, пока не обрела форму совершенства, холодного в своей окончательности.

Продавец, очень спокойный человек азиатского обличья, не выдержал и сказал:

– Моя продавай, твоя покупай. Шибко-шибко хорошо!

Семен хмыкнул.

– Думаешь, у норегов таким пользуются? – задал он наводящий вопрос.

Азиат неожиданно перестал корежить русскую речь, сказав ясно и четко:

– Этот тати – оттуда, рекрут. И им там пользовались, хотя и далеко от фьордов.

Щепотнев вздохнул.

– Бабок нет, – сказал он. – Поддержаться хоть можно?

Продавец молча обеими руками протянул ему ножны. Семен медленно вытянул меч.

Тати был прекрасен. В нем не было ничего лишнего. Длинная, на два хвата, рукоять обмотана полоской шкуры ската, а за круглой гардой изгибался узкий клинок.

Алое солнце окрасило лезвие, словно на металле выступила пролитая мечом кровь. Тати во всем походил на самые древние самурайские клинки периода Хэйан, но как раз следов старины заметно не было.

Все-таки новодел? Да нет, просто в Интермондиуме современность и древность – рядышком.

Семен взмахнул мечом, описав восьмерку. Острая сталь прошелестела опадающим шелком. Еще раз вздохнув, Щепотнев с поклоном вернул тати.

Иной раз он завидовал Плющу, самозабвенно махавшему клинком на фестах. Все ж таки, бои вживую...

– Во фьорды собрался, человече? Али к Иоанну Грозному? – прогудел взрыкивающий бас.

Обернувшись, Семен увидел широкоплечего мужика с обветренным, загорелым лицом.

Его длинные выющиеся волосы топорщились из-под стального шлема.

Тулово было упаковано в кожаный панцирь с нашитыми на него бронзовыми кругляшами и ромбами. Мощные ручищи, перевитые мышцами, распирали короткие рукава доспеха. Правую руку от локтя до запястья окручивал серебряный наруч, смахивавший на толстую радиальную пружину.

Мягкие портки заправлены были в роскошные сапожки из тисненой кожи, а на поясе с огромной серебряной пряжкой висели в рядок: кошель, чехол с ножом, больше похожим на тесак, и меч.

– Во фьорды, – ответил Горбунков.

Мужик кивнул.

– Меня зовут Ивар Трехглазый, – представился он. – Ущучил?

– Ущучил, – кивнул Семен.

– Хранитель тебе этого не скажет, но послушай моего совета: не лезь в пекло. Найми себе наставника, чтобы он тебя проводил во фьорды и все там показал. А тут таких до хрена! Ущучил? Викингу ты ничего не объяснишь, не успеешь просто – он тебя зарубит сначала, а потом только разбираться станет, кого и за что. Хлипкий ты с виду, и волосы стрижены – ну, вылитый трэль! Холоп то есть. Ущучил?

– Ущучил, – кротко ответил Щепотнев. – А Хранитель не рассердится, если я с наставником?

– Так все так делают, кому лишний золотой не жаль. В общем, ступай в таверну «Мешок гвоздей» и подыщи себе там напарника. Ущучил?

– Ага.

– Ну, бывай тогда...

Ивар удалился, шагая вразвалочку, а Щепотнев подумал, да и направился к той самой таверне, которую ему так усердно рекламировали.

Двери таверны стояли, распахнутые настежь, из них несло теплом очага и запахом дымка, гудели голоса. Длинные монастырские столы в таверне скатертями не портили, зато доски столешниц регулярно скоблили до желтизны. За теми столами по лавкам сидели мужики виду былинного – волосы до плеч, бороды в косичку, плечи в обхват кожаными куртками затянуты, и все, как один, оружны – у кого секира при себе, у кого меч.

Богатыри дули пиво из глиняных кружек, хохотали гулко над шутками немудреными, вели беседы про дела свои молодецкие. Сидя в вольных позах, откинувшись к стенке или навалившись на стол, они прихлебывали пивко, держа кружки левыми руками. Правые же лежали свободно, в короткий миг готовые схватиться за мечи.

И такая повадка была для посетителей «Мешка гвоздей» настолько натуральной, что не замечалась ими вовсе – сидят себе люди, выпивают, гутарят о том о сем.

Шимон скромно присоседился у стенки, не пожалев монеты на пиво.

Кабатчик шустрый попался, обслужил мигом, да и напиток оказался очень даже ничего – густой, тягучий, пьешь и радуешься.

Разговоры за столами велись степенные.

– Ты, говорят, подженился на Далле? А, Див? – проявил невинный интерес добрый молодец с волосами цвета соломы. В домотканых портках, заправленных в мягкие сапожки, в длинной рубахе с вышивкой по вороту и в кожаной безрукавке на завязках.

Его длинные светлые волосы были заплетены в смешные тугие косицы, а правую руку, бугристую от мышц, оплетала спираль литого серебра – и наруч, и средство платежа.

На его широкой спине висела пара ножен вперекрест, из которых точно над плечами выглядывали рукоятки мечей. Его визави, плотный мужик, весьма раздобревший, с окладистой бородой, фыркнул в ответ:

– Уж чья бы корова мычала, Вольга, – пробурчал он, – а твоя бы молчала. У самого-то в каждом фьорде по вдовушке!

Сидевшие за столом дружно грохнули, застучали кружками. Вольга, впрочем, не шибко-то и смутился, а Шимон, разобрав слово «фьорд», наострил уши.

Рассупонившись, поснимав с себя перевязи, Вольга уселся на лавку и придвинул к себе здоровенный сосуд с белой шапочкой пены.

Посмеиваясь, облапил кружку и хорошенько приложился. Крякнув, он отер пену с усов, «продолжая дозволенные речи»:

– Слух прошел, будто бы Хьельд конунг из похода возвратился...

– Проснулся! – хмыкнул худой, жилистый человечиче с костлявыми, но широкими плечами. – Это когда еще было!

– Хьельд конунг? – нахмурил брови молодой еще человек, но седой, как лунь. – Это который из Холодного Края?

– Да нет, Хьельд – он, наоборот, к югу дальше, в Сокнхейде прописался.

– Смотри, Нур, – Вольга подхватил нож и стал чертить им прямо на столешнице: – Вот Хнитбьергфьорд, где Эйвинд ярл сидит. Севернее – Стьернсванфьорд, там Торgrim Ворон засел, тоже ярл. За ним Вегейрфьорд будет, Кривого Хальвдана, потом полуостров, никуда не годный, сплошные скалы, только яйца собирать – птицы там просто кишат. За полуостровом – залив, Тролльвик называется, и к северу ещё два или три фьорда. Как их там зовут, запомнил...

– Хлидскьяльвфьорд и Вингольвфьорд, – перечислил Див. – А уже за ними начинается Холодный Край.

– И как у тебя только язык бантиком не завязывается, – проворчал Вольга, пряча нож.

Див хихикнул.

– Рагнар Прямоногий рассказывал, – лениво заговорил Нур, – как он однажды добрался до Вингольвфьорда. Лес, говорит, там корявый, на горах снег все лето лежит, а за ними и вовсе скалы голые...

– А чего это его туда занесло? – подивился Вольга, разгрызая сушёную рыбку.

– Да это они с Эйвиндом ярлом по Западному морю рыскали, все следы Гунульфа сэконунга найти хотели.

– Гунульфа С Красным Щитом? – проявил осведомленность Див.

– А то кого ж еще. Сэконунг в то лето напал на обе деревни Эйвинда Мудроречивого, пограбил их вволю, да и скрылся. Ох, ярл и лютовал! А потом ему и подскажи кто: Гунульф, мол, далеко на севере обосновался, в шаге от Холодного Края. Вот они туда и двинули. Два драккара снарядили, помню.

– Нашли Гунульфа?

– Да куда там... Ушел сэконунг, будто и не было его. Но стоянку его обнаружили-таки. Крепкие дома выставил Гунульф. Пожгли все, само собой.

Вольга, уже не раз и не два косившийся на Семена, повернулся к нему, уперев руки в колени.

– У тебя, рекрут, аж уши шевелятся, – сказал он насмешливо.

– Дык, ёлы-палы, – ответил Щепотнев, изображая деревенского и тут же входя в иной образ: – Кто владеет информацией, владеет миром.

Нур хохотнул:

– Какой рекрут грамотный пошел!

А вот Вольгу, видать, закусало.

– А не слишком ли грамотный? – сощурился он.

Семен развернулся к нему, спиной опираясь о стол, пристроив на нем локти.

– А я вот думаю, – усмехнулся он, – не слишком ли это – два меча зараз таскать?

Тут все замерли, с интересом уставясь на новичка.

– Не понял... – затыкнул Вольга, вставая.

Щепотнев поднялся ему навстречу.

– А ты с меня сатисфакцию требуй, – предложил он. – Одолжишь мне один из своих клинков, устроим дуэль. А? Кто выиграет, того и меч. Давай? А то к норегам этим безоружным отправляться... некомфортно как-то.

– Ла-адно, – протянул его вероятный противник. Его рука потянулась к портупеям.

– Эй, не гони лошадей, Вольга! – вступил кабатчик. – Нечего мне тут мочилово устраивать! А ты, – повернулся он к Семену, – запомни: ты тут никто и звать тебя никак! Хочешь экстрима прямо в Интермондиуме? Ладно! Будет тебе экстрим. Но сначала мечом обзаведись, понял?

Ресторатор глядел на Щепотнева не слишком-то ласково, да и прочие, Вольга особенно, испытывали одно горячее желание – вздуть наглого рекрута.

Это вызвало у Семена ироничную улыбку.

– Понял, – сказал он. – Обзаведусь. Всем пока!

Щепотнев покинул кабак, слыша, как за спиной надывается Нур: «Успокойся ты! Он же без оружия! А ну сядь! Сядь, кому сказал!»

Семен усмехнулся.

Раздухарились «ветераны боевых действий»!

Ничего, я вам еще устрою...

Глава 7

Семен Щепотнев

Наставник

Парней из своей тройки Щепотнев не стал искать. Нарочно.

Имеет же он право хоть ненадолго оторваться от коллектива? Не нянькаться ни с кем, не подстраиваться, не улаживать дурацкие конфликты.

Поступать так, как хочется ему, а не сообразуясь с долгом или соблюдая баланс интересов.

В принципе, Костян ему нравился – нормальный парень, без гнили.

С виду мягкий, но стержень в нем имеется, такого не согнешь, не сломишь запросто, помучаться придется.

Валерон был Семену еще понятней – простой русский парень, каких всегда хватало, хоть в афганскую, хоть в Великую Отечественную. С таким, как говорится, можно в разведку идти.

Вопрос в том, что не хотелось Щепотневу ни ходить толпой, ни маршировать, ни даже тусоваться. Одному лучше.

Может, и труднее, но легче, как ни странно это звучит. Сколько раз он проскальзывал мимо дозорных, выставленных духами, делал свое мокрое дело и уходил не пойманным? А попробуй ты вытворить то же самое вдвоем или втроем! Одного не заметят, а вот группа может нарваться.

Да и не в этом дело... Просто, когда сам, в одиночку, добиваешься чего-то, то ты и под раздачу попадаешь собственной персоной, и награду ни с кем не делишь. Хотя, если разобраться, причину глубоко искать не надо, она на поверхности – Семен Семенович Щепотнев терпеть не может брать на себя ответственность за кого-то и нести ее.

Кому надо, пускай сам с нею таскается, а ему чужого не надо.

Поглядев на темневшее небо, Шимон направил стопы дальше, надеясь обнаружить нечто вроде отеля или постоянного двора, и неожиданно услышал:

– Сенька? Ты?!

Обернувшись, Семен увидел добра молодца, какими их любят изображать в русских народных – высокого, широкоплечего, со светлыми кудрями. Иван Васнецов?..

– Ванька?! – признал его Щепотнев.

– Ну! – расхохотался одноклассник и однокурсник.

Семен лишь головой покачал. Тесно междумирье!

Юрфак они кончали вместе, только Ван в адвокаты двинул, мафикиков защищать, а он тех бандюков ловил.

Щепотнев усмехнулся:

– И ты тут?

– А то! Жизнь дается лишь однажды, что бы там Бонд ни говаривал. Пра-ально? Когда денег куча, хочется или во власть, или во все тяжкие. И тут вдруг звонят мне, вежливо так объясняют про Интермондиум. Спускаюсь, достаю из почтового ящика пропуск на этом ихнем пергамене, ну и сюда! Что мне, тыщи зелёных жалко? Да-а... А ты куда собрался-то?

– К викингам, Вань.

– И пра-ально! Самое то!

– Круто?

– У-у! Круче не бывает! Я ж сам оттуда. Однажды сам ярл решил меня доконать, на голову ниже сделать, а я ему: «Не губи, мол, скальд я, а не воин! Ты, говорю, славу мечом

добываешь, а я – словом!» А у викингов, знаешь, поэзия в большом почете. Ну, я им как завернул драпу хвалебную³⁴, они и в осадок выпали!

– Помню, ты и в школе стишками баловался. В стенгазете девчонок с 8-м Марта поздравлял. Помнишь?

– Помню! – расхохотался Васнецов. – Старательно так вывел: «С 8-м Мартом!» Русичка поблагодарила и велела повторить пройденный материал. Ну ладно, чего стоим-то? Пошли, отметим это дело!

– Так я не понял, – придержал коней Щепотнев, – ты стал Регулятором? Или как?

Иван закрыхтел.

– Или как, – проворчал он, отводя глаза. – Там, блин, такие беспредельщики. А я не какой-нибудь... этот... Эйрик Кровавая Секира, я – Йохан Скальд. Старонорвежский я, с горем пополам, выучил, а вот мечами махать... Увы. Тут у меня пробел! Ладно, пошли, мне тут один ветеран квартиру свою сдал на месяцок. Тут недалеко, в Косом переулке.

Косой переулок – весьма, кстати, прямой – ответвлялся от Главной улицы сразу за углом большого фахверкового дома.

– Регуляторы тутешние, – болтал Васнецов, – как те наркоманы. Все рвутся в прошлое за дозой адреналина или чего они там еще находят, а Хранители редко кого из них шлют, предпочитают рекрутов набирать.

Они шагали мимо подъездов с колоннами, мимо арок, в которых изгибались мраморные статуи, мимо лавочек, в одну из которых скальд заскочил, прикупив вина.

– Фалернское! – объявил он.

– Здорово здесь, – сказал Щепотнев.

– Так еще бы! – воодушевился Йохан. – Междумирье, не абы как!

Съемная квартира обнаружилась на втором этаже старинного дома из белого, с желтым отливом ракушечника, крытого красной черепицей.

Внутри было тихо и прохладно, размеренно тикали огромные напольные часы, непоколебимо стояла тяжелая, добротная мебель, толстый ковер глушил шаги.

– Не разувайся! – разрешил Иван.

– Ну вот еще...

Васнецов, напевая, покрошил немудреную закуску, разлил темное, пахучее вино по стаканам.

– Ну, поехали!

После третьей Семен изрядно захмелел. Крепкое винцо!

– Так, говоришь, викинги? – промычал он, внимательно отслеживая качания маятника.

– Они, брателло, – подтвердил Иван. – В полном боевом. Росту баскетбольного, в ширину – шкафы, мечами своими вертят, как я ножиком кухонным. Да куда там! Я огурец не успею нарезать, пока тот викинг местное население пошинкует! Наливай...

Четвертая порция пошла уже не так ладно, как первая, но обратно не запросилась. Семену было неплохо, да и Ванька захорошел.

Со второго раза ухватив огурец, Скальд смачно захрустел им.

– А как твоего ярла звать-величать? – осведомился Горбунков, внимательно следя за пьяненьким Йоханом. – Не Хьельд?

– Не-е! Торgrim Ворон, владетель Стьернсванфьорда. Так-то.

– Стервь... Как?

– Стьерн-сван-фьорд. Стьернсван в переводе – «Звездный лебедь». Красиво?

– Красиво, – признал Семен. – А фьорд большой?

– Ко-лос-саль-ный! Горы – во! Водопады – во! Красотища!

---

³⁴ *Драпа* – основная форма хвалебных песен в скальдической поэзии, представляющая собой перечень имен или сведений.

– Ты там, наверное, все стежки-дорожки изучил...
– Опыт есть! – приосанился Васнецов.
– Все показать сможешь?
– А то!
– Может, в наставники ко мне пойдешь?
– Да только так! Самому-то стрёмно. Ну, я имею в виду – одному идти стрёмно. А вернуться, ох, как хочется!
Щепотнев ухмыльнулся.
– С хорошим попутчиком и дорога короче!
– Наливай!

...Было темно, когда Щепотнев проснулся.
Голова не болела, но хмель тяжелил тело. Иван тихо посапывал на диване, уделив гостю кровать.

Семен опустил босые ноги на пол и вяло удивился – он не помнил, раздевался ли сам или кто помог.

Встав, Шимон едва не свалился, но вовремя уцепился за витую колонку, удерживавшую над ложем балдахин.

По стеночке, по стеночке он добрался до удобств, сделал свои мокрые дела и подошел к окну. Створка была открыта настежь, пропуская в комнату свежий воздух.

Дома он никогда не рисковал спать с открытым окном – шум с улицы Агеева доносился почти всю ночь, утихая лишь часам к четырем-пяти.

А в Интермондиуме ни одной машины. Но и тихо не было.

С главной улицы доносились песни и веселые крики, оранжевое зарево в той стороне то вспыхивало, то пригасало. Регуляторы гуляли.

По переулку прошествовала группа молодёжи с горящими факелами.

Щепотнев широко улыбнулся. Ожидание торжества, счастья, «сбычи мечт» переполняло его, как пузырьки – шампанское. Все ему было всласть, и это сейчас, когда он еще и не начинал ничего!

– А Марсела где? – донесся голос с улицы. – Ее уже выписали?

– Еще на той неделе!

– Ребя-ят! Давайте быстрее! Все уже у Башни, наверное...

– Побежали!

Дослушав смех и топот, Шимон вспомнил о существовании Костяна с Валеркой. Пожав плечами, Щепотнев потопал к кровати, довольно точно выдерживая курс.

Он не нанимался к пацанам в заботливые матери...

Глава 8

Валерий Бородин

Большое откровение

Когда Валера с Костей в третий раз вернулись к Башне, уже совсем стемнело, но Семен так и не появился.

– Так где ж его носит? – воскликнул Плющ. – Я уже все обыскал, даже в Дом... этих... ветеранов заглядывал.

– И как там? – поинтересовался Бородин.

– Не знаю, – буркнул сэр Мелиот, – меня сразу выставили. Слушай, может, он за город двинул? На сафари?

– Да не-е... Я у стражника спрашивал, никто наружу не выходил.

– Ну тогда я не знаю!

Валерий оглядел пустынную Центральную площадь, где шарилась уборщица при свете факелов, и Главную улицу, осиянную огнями. Там было шумно и весело, как на карнавале, хоть и скромном. Нет, это не Рио-де-Жанейро.

Разглядев в потемках фигуру ночного стража, Бородин громко воззвал:

– Господин стражник!

– Чего тебе, рекрут?

Тусклый фонарь в левой руке блюстителя порядка осветил лица Кости и Валеры.

– У нас третий пропал куда-то, – пожаловался Плющ, – не знаем, где он. Может, случилось чего?

– Отсыпается ваш третий, – проворчал ночной страж. – Встретил тут дружка, скальда задрипанного, распили они с ним бутылочку и спать завалились.

– Нет, ну нормально! – возмутился Бородин. – Мы его тут ищем, а он дрыхнет!

Костя, как ни странно, за товарища не вступился. Вздыхнув, он спросил:

– А где тут можно остановиться? На ночлег?

Блюститель закона махнул рукой вдоль Главной улицы.

– Вон гостиница! Вон, видишь, где красные китайские фонарики? Туда топайте.

И Валера с Костей потопали.

Мимо прошествовала большая шумная компания парней и девушек, все в красных легионерских туниках. Парни выглядели достаточно молодо, а крепкие шеи кутались в цветочные гирлянды. Причем и у девушек, и у их друзей мужеска полу на перевязях висели ножны с гладиусами.

И по всему видать, оружие носилось не для форсу, в этом Валерку убеждали быстрые настороженные взгляды, бросаемые легионерами. Да и двигались они легко, пружинистым скользящим шагом – так бойцы из их разведроты ходили по базе, возвращаясь с задания. Просто не успевали отвыкнуть от опасности, отмякали медленно, переводя напруг в расслабуху.

Неожиданно одна из девушек, чей пояс оттягивался аж двумя ножами, окликнула Костю с Валерой:

– Эй, рекруты! Чего скучаете?

– Одурели совсем с вашим Интермондиумом! – ответил Бородин. – Спать хотим.

Компания расхохоталась и дружно повлеклась к амфитеатру, вроде римского Колизея, только поменьше – оттуда доносился гул, хохот и крики.

– Час ночи уже, если по-нашему-у... – раззевался Костя.

– Да как бы не три... А у них тут самая гулянка!

На главной улице было оживленно илюдно, люди бродили поодиночке и парочками, кучковались, веселясь и перекрикиваясь. На пустыре, у южной стены, было светло от костров, и наплывал запах жарящихся шашлыков.

– Чё-то я жрать хочу!.. – шумно вздохнул Валера.

– Пошли быстрее!

Гостиница больше старинный постоялый двор напоминала, чем современный мотель, но было в ней чистенько, даже уютно.

Вышедшая хозяйка, энергичная пожилая дама, сообщила, что переночевать можно бесплатно, поскольку они рекруты, а вот если еще и поужинать...

– Поужинать! – заявили рекруты дуэтом.

– Тогда по четыре дирхема с каждого. Или один ливр. Номер четырнадцать, белье на полочке в шкафу.

Здоровенная деваха, возможно хозяйская дочь, весьма расторопно обслужила новых постояльцев.

На ужин было подано жаркое, хотя Валера так и не понял, что за мясо он ел и с каким гарниром.

Да и какая разница? Главное, что вкусно.

И компот был отменный.

Подобрев, Бородин сказал рассеянн жевавшему Плющу:

– Я там, в каземате... к-хм... сорвался... Ты... это...

– Пустяки, – отмахнулся Костя, – дело житейское! Сам виноват, нечего было язык распускать. Слушай, я все спросить хотел... Ты ж вроде местный – ну я имею в виду, в Приморье родился?

– Уссурийские мы, – сказал Валерий с ухмылочкой.

– А как тогда с квартирой получилось?

– Что снимаю?

– Нет, может, я снова лишнее говорю...

– Да не-е... Просто так уж вышло. Маманя с батей развелись, когда мне тринадцать стукнуло, и он ей квартиру оставил. Год я с ней прожил и не только с ней – сначала отчим у меня завелся, а потом и братец появился – сводный, что ли. Каждую ночь, сволочь мелкая, орал, как поросенок недорезанный. Мать все время невыспавшаяся, нервная, отчим кислый... И я там как бедный родственник! Однажды, помню, назло задержался, у деда на сеновале переночевал. Утром вернулся, а никто и не заметил моего отсутствия! Прикинь? И ушел я к деду жить. Насовсем. Так втроем и жили – я, батя и дед. Потом меня в армию забрали. Полгода не отслужил, как на побывку отбыл – отца хоронить. Разбился! Тридцать лет стажу у него было, ни одной аварии, и на тебе... После похорон дед сразу на малую родину подался, в Ростов-на-Дону. Он где-то в тех местах родился. Казак... Дом он свой продал и все меня к себе зазывал – вот, дескать, как дембельнешься, сразу к нам с бабкой! Я так и сделал. Гульнул, как следует, в море скупнулся, фруктами просто обожрался. Прикинь – один на бахче! Арбузы – во! А потом меня обратно в Азию потянуло... Дед мне на прощанье саблю подарил, – Валерий вздохнул. – Вернулся я в Уссурийск, ни кола, ни двора, зато жена и дитё.

Константин покивал.

– Всегда так получается, – заговорил он. – Планируешь, мечтаешь, а выходит совсем иначе. У меня тоже. Я даже Шимону ничего не рассказывал...

– Кому-кому?

– А-а... Шимон – это вроде прозвища Семен Семеныча. Его по фехтованию самый настоящий самурай натаскивал. Вот он-то его так и называл. Но я не об этом. В общем... – было заметно, что Плющу с трудом дается откровенность. – В общем, служил я. Вернее, не то чтобы служил, а призвали меня, когда восемнадцать стукнуло. Осенью. Учебка в Хабаровске была.

Ну я и натерпелся. Домашний мальчик, что ты хочешь! Я до армии не дрался ни разу. Меня били, а я даже не задумывался о том, чтобы сдачи дать! Сам теперь поражаюсь. То ли трус был, то ли... не знаю. Короче, в декабре приняли мы присягу, и повезли нас в Благовещенск. Доехали мы до Белогорска, а дальше надо было на грузовике. Остались мы в пересыльном пункте – салабоны, пара сержантов и старшина. Милославский его фамилия. Погоняло у него было – Князь. Меня какой-то сержант за лимонадом послал в магазин, а Князь самогоном угостил и давай нас строить. Чего, мол, дисциплину нарушаем? И вроде все правильно – кто меня отпускал в магазин? Командир – старшина, а он приказа не давал. Ну а метод внушения известный. Так мне врезал, что я головой о стену приложился. И все как-то поплыло, помутилось... Погрузили нас на «шишигу»... на «шестьдесят шестой».

– Знаю, – кивнул Бородин.

– Ага... И отправили на точку, – продолжил Костя. – Еду в кузове, а в голове каждый толчок болью отдается. И нет, чтобы пожаловаться, в медсанчасть обратиться... Жил, как в гадостный туман опущенный. В общем, под самый Новый год послали меня за водой. Иду я с ведрами, значит, снег вокруг, тропка к колодцу... Больше ничего не помню. Очнулся месяца через полтора в госпитале. Тяжелое сотрясение мозга, говорят. Вскрывали мне черепушку, удаляли гематому, а в памяти – ничего. Ноль целых ноль десятых. Месяц в коме провалялся, оказывается. И потом еще полгода отлеживался да лет пять судорогами маялся.

Милославского в дисбат упекли, на те же пять лет. Вот и вся моя служба. Комиссовали вчистую, да по такой статье в военном билете, что меня в МГУ не приняли. Главное, год проучился на универских подготовительных курсах, и все-то отлично было, контрольные сдавал вовремя, оценки хорошие, а по истории меня проверял сам профессор Епифанов, автор школьного учебника. Это ж величина! А когда приехал в Москву экзамены сдавать на истфак, в поликлинике МГУ мне вежливо сказали, что с таким здоровьем я учебу не потяну. И поехал я обратно на Дальний Восток, поступил в политех... – помолчав, он хмыкнул невесело: – Помню, вернулся когда из армии – слабость такая, что ноги дрожали!

– Так еще бы, – поддакнул Бородин, – столько не вставать если.

– Ага... И я себе зарок дал, что больше меня никто и пальцем не тронет, а если рискнет, то сдачи огреbet больше, чем плачено. Первым делом купил себе гантели. Качался потихоньку с год. Потом штангу завел. В клуб пришел – к истории-то продолжало тянуть. А тут – реконструкция, живое дело. Историческое фехтование, опять-таки. Меч когда искал, познакомился с Семеном. Вот и вся биография. Как-то устроился по жизни, но... Думаю все – не приди я в часть таким чмошником, сложились все нормально, чтобы от призыва до дембеля отслужил, как полагается, тогда бы я и в МГУ поступил и все бы случилось так, как я хотел.

Валера покачал головой.

– А кто тебе сказал, – проговорил он, – что было бы лучше? Я вон тоже уехать хотел на Запад³⁵, да Верку встретил. Думал, все, как обычно, а теперь она мне самый родной человек, роднее не бывает. А уехал бы, и чё? Лучше было бы? Как такое поймешь? Судьба!

– Да уж, – вздохнул Плющ и встрепенулся. – Пошли спать, а?

– Пошли, – решительно поднялся Бородин, – а то рано вставать...

– Больше всего я ненавижу шесть утра, когда дневальный сапогами грюкает, двери распахивает и орет: «Рота, подъем!...»

– Ха! Да кто ж такое любит? Рота, отбой!

Бородин проснулся среди ночи и вздохнул.

Даже здесь, в Интермондиуме, где все так захватывающе интересно, его немного мучила совесть. Как ни крути, а Верку он обманул, и это тяготило.

³⁵ Так в Приморье называют ту часть России, которая расположена за Уралом. Сибирь в это понятие не входит.

Ему поразвлечься охота пришла, а она там одна, с ребенком... И должок на нем висит – тысяча баксов! Ладно, там саблю прадеда заложил.

А если не удастся ему добыть тех самых бонусов? Что тогда?

Тут даже не в сабле дело. Просто у него единственный шанс оправдаться – даже не перед Верой, а перед самим собою – это добыть злата-серебра в этой ихней Норвегии средневековой. Если он хоть чуть-чуть разбогатеет, все, значит, не зря, и ему станет легко. А уж радости сколько будет!

Верка пищать станет и в ладоши хлопать...

Сквозь дрему вспомнилась отцовская машина – старый ЗИЛ, который называли сто тридцатым. Когда отец заводил «зилок» в бокс транспортного цеха и глушил двигатель, в грузовике продолжалась некая потайная жизнь – что-то в нем потрескивало, остывая, пощелкивало, ровно гудел масляный фильтр, вращавшийся юлой. Кружение его плавно замедлялось, и тихое гудение звучало все ниже и ниже...

Бородин заснул.

Глава 9

Семен Щепотнев

Фьорды

– Все будет хоккей! – говорил Васнецов. – Щас мы завалимся в кабак, быстренько поправим здоровье – и к Башне. Все будет «Северным путем», хе-хе...

Горбунков глянул на Скальда с иронией, хотя лицо его сохраняло выражение серьезности. Зачем обижать одноклассника? Пригодится еще...

Тем более что Ванька согласен идти с ним проводником не за монеты, а по-корефански.

Полезно держать Ваньку при себе – этот хоть бывал во фьордах, знает, что там и как. Попутчик Скальд, конечно, временный, но пусть он лучше будет уверен, что все всерьез и надолго.

– И как тебе эта ресторация?

– Не впечатляет.

В «Мешок гвоздей» заглянуло человек десять, но никого из тех, кого он позавчера подначивал, Шимон не обнаружил. Потому и на него – ноль внимания, фунт презрения. Лишь один мужик, рыжий и вилобородый, хмыкнул насмешливо:

– Наше все явилось! Эй, Скальд, за вдохновением пожаловал?

– За пивом, – буркнул Васнецов, ежась.

Кабатчик молча воззрился на него.

– Две, – сделал Скальд пальцами букву «V». – Зимнего³⁶.

Подхватив полные кружки, Йохан повел своего гостя за отдельный стол.

Щепотнев обхватил кружку обеими руками. Холодное темное пиво смочило иссохшие внутренности. У-ух... Блаженство!

– Чувствую, перепил я вчера, – проворчал он с неудовольствием.

– Фигня! Тут все натуральное, – балаболил Васнецов, смакуя. – И жизнь настоящая! В подлиннике! И во фьордах этих. Там, знаешь, нету всех этих пошлых заморочек, вроде политкорректности или мультикультурности. Там если женщина – то женщина. Если мужчина, так мужчина. Все четко! Хочешь конунгом стать? Становись, кто тебе мешает? И станешь, если сила в тебе есть и харизма под стать. А нет, так дуй навоз месить! Говорят, феодализм, угнетение, классовое неравенство... Херня все это! В нашей жизни свободы нет, точно тебе говорю. Зато во фьордах – воля! Там каждую минуту проживаешь по полной, ярко, насыщенно, как в книгах!

Не слишком слушая Ваньку, Семен допил свое пиво и подумал: «Нервничаю я, что ли?»

Идеи роились в голове, как встревоженные пчелы. Не напороть бы чего в горячке. А главное, не помешали бы его планам Хранители.

– Пошли, – сказал он решительно.

– Куда?

– На выход, с вещами!

– А, ну да...

Утром на Главной было довольно-таки пустынно.

Видать, загулявшие Регуляторы отсыпались. Или продолжали гулянку уже дома.

---

³⁶ Зимнее пиво делали путём замораживания, отчего напиток густел.

Стража у входа в Башню стояла внушительная, словно у резиденции президента. Старший у дозорных, крепкий мужик с огромными усами, спадавшими на грудь, весь в черном, с роскошным мечом, медленно прохаживался взад-вперед.

Завидя Щепотнева с Васнецовым, он остановился и всего лишь приподнял бровь. Этого оказалось достаточно – рекрут с проводником замерли в почтительном отдалении.

– Чего надоть? – сурово спросил старший.

– Нам бы Хранителя увидеть, – сказал Васнецов искательно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.